

Духовно–назидательный журнал
евангельских христиан–баптистов

ВЕСТНИК СПАСЕНИЯ

*«Веруй в Господа...
и спасешься...»* Д. Ап. 16, 31

2

(6)

1964 г.

**«Всякий,
кто призовет
имя Господне,
спасется»»**

Иооля 2, 32

К читателям

«Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам...»

Матф. 28, 19–20

Дорогие читатели — братья и сёстры! Предлагая вашему вниманию настоящий (6) номер журнала «Вестник спасения», мы возносим сердечную благодарность нашему Господу за святую возможность возвещать весть спасения и выпускать живое свободное слово о Христе в нашей стране.

Мы молим Отца нашего Небесного, чтобы Он благословил наш скромный труд, так необходимый нашему братству в этот трудный период его духовной борьбы за возрождение братства Христова, за освящение детей Божьих и отделение от мира. Мы искренне желаем, чтобы наш журнал привёл многих блуждающих на путях греха и неверия ко Христу — источнику жизни и истины и нашёл живой и горячий отклик в сердцах всех детей Божьих, освещая и прокладывая путь к Истине.

Мы будем также помещать на страницах нашего журнала материалы о страдании за Слово Божье, о наших узниках за Христа, и также статьи, стихотворения и письма самих узников.

В наши дни многие знают, задают себе и другим вопрос: «За что страдают братья и сёстры? Где и в чём причина страданий? В непослушании ли Богу или в беззаветной преданности Ему?!» При этом задаётся вопрос и о том, что даёт страдание, что несёт оно? Бессмысленную ли жертву человеческих сил и жизней или благословение Церкви и дела Евангелия? Всё это чрезвычайно важные вопросы, от решения которых зависит не только настоящая и будущая жизнь каждого христианина, но и всё дело благовестия о Христе в целом, ибо без духа самоотречения и самопожертвования нет и не может быть успеха не только в деле свидетельства о спасении, но и вообще христианской жизни.

Высшим идеалом христианской жизни было, есть и остаётся изречение Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 13). На личном при-

мере Иисуса Христа, Его Апостолов и всей Его гонимой Церкви на протяжении тысячелетий, мы видим великое благословение там, где вышеприведённые слова Христа находили практическое применение среди Его последователей.

Об этом же свидетельствуют и узники наших дней. Приводим выдержку из одного письма узника за Слово Божье, который призывает: «Испытаем себя в свете Слова Божьего, чтобы нам убедиться служим ли мы истине, ходим ли мы в силе чистого и святого благочестия... Действие же силы благочестия сказывается тогда, когда мы твёрдо пребываем в том, чему были научены и силою Духа Божьего почерпаем живую воду из чистого источника Божьего. Слава Богу, что сегодня есть Истинная Церковь, совесть которой омыта искупительной кровью Агнца Божьего, а сердца её детей вполне преданы Ему!»

Мы будем с помощью Господа помещать статьи и воспоминания из истории братства евангельских христиан–баптистов нашей страны и освещать трудный и тернистый путь нашего братства в борьбе за торжество учения Иисуса Христа. При этом мы будем освещать на страницах нашего журнала основные евангельские принципы. Мы кратко напомним о них:

1. Слово Божье является единственным вполне достаточным и абсолютно авторитетным руководством для Церкви.

2. Проповедь Евангелия или свидетельство о Христе является главной задачей и основным призванием Церкви.

3. Независимость (автономия) местной церкви.

4. Крещение по вере.

5. Духовное возрождение членов.

6. Отделение церкви от государства.

7. Всеобщее священство верующих (членов церкви).

Мы просим всех друзей Истины молиться за наш журнал и активно сотрудничать в нём своими духовными статьями, стихотворениями, воспоминаниями из истории братства, рассказами из христианской жизни и новыми гимнами, чтобы под руководством нашего Пастыря журнал «Вестник спасения» был продолжателем того великого и славного дела Евангелия на обширной ниве Господней, которое совершали «Сеятель», «Гость», «Христианин», «Благовестник», «Баптист», «Баптист Украины», и чтобы Господь провёл наш журнал по злачным пажитям Своего Слова и к водам тихим Своих откровений.

Да пошлёт Господь обильное благословение на Свой искупленный народ и через наш журнал и да пребудет Его благословение со всеми читающими и слушающими «Вестник Спасения», «ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки. Аминь» (Рим. 11, 36).

Смысл страданий

Страдают все люди

Каждый из нас может сказать слова, которыми начинается 3 глава Плач Иеремии: «Я человек, испытавший горе!» И потому излагаемая мною тема, надеюсь, близка всякому. Ещё Достоевский сказал, что «земля от коры до центра пропитана кровью и слезами». Этим он подтвердил слова Ап. Павла: «...вся тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8, 22). А в последние годы, когда по всей земле прошёл меч, огонь, голод и смуты — страдание ещё больше охватило человека. Идя по улице, так редко встретишь радостную улыбку, или услышишь бодрый разговор. О, конечно, бывают улыбки на человеческих лицах, но как много в ней горечи, насмешки и притом над самим собой.

А сколько незримого горя таится под этими на вид спокойными лицами и за стенами их домов! Люди предпочитают страдать молча. Иногда человек улыбкой заслоняет, чтобы не заметили горя его потому, что человек всегда стремится если не быть, то казаться счастливым. А сочувствие часто неискреннее или бесполезное только раздражает его.

Мы живём в такое время, когда померкло если не солнце, то человеческое лицо: так много скорби отражает его чело, его преждевременные морщины и седина! Страдают все люди и хорошие, и чем человек лучше, тем глубже его скорь. «Сумма страданий души пропорциональна степени её совершенства», — говорит Амиэль в своём дневнике. А Достоевский утверждает, что «великие люди испытывают великую грусть». Люди страдают телом от голода, холода, болезней, непосильного труда, страдают душой от самих себя и друг друга, от клеветы, зависти, страдают изо дня в день от соседства с ближними, имеющими несчастье обладать так называемым тяжёлым характером, исходят в тоске одиночества и непонятности, а сколько таких, которые отравлены горечью разочарования, муками обманутой любви или скорбью, вызванной утратой близких. Кому из нас не знаком сковывающий волю ужас бесцельности и ужас бессилия в стремлении побеждать зло и поступать по правде? Сюда относятся удручающие, особенно художников, муки невыразимости при тщетных усилиях найти слово или вообще образ красоты для воплощения своего идеала.

Сколько тяжёлых минут причиняет нам сознание своего несовершенства, а также и несовершенства мира, так называемая мировая скорь, давшая так много своих выражений в искусстве и философии, начиная от Соломона («суета сует,— все суета!» Еккл. 1, 2) и кончая Байроном, Шопенгау-

ером, Леопарди. Во всей мировой музыке, в тихих аккордах арфы и в пении скрипки не звучат ли выразительнее всего тоскующая элегия, скорь человека и всей твари?

Недаром Л. Толстой признаёт, что Бетховен «подслушал» звуки своего похоронного марша в рыданиях природы. И едва ли не самое большое страдание подчас бывает в отсутствии страдания, также как самым тяжёлым трудом является отсутствие труда. Жуткой пустотой, леденящей душу, веет от ужаса бесцельности, рождающего худшее из страданий — скуку, тяжёлую, как это не странно, именно тем, что в ней нет страдания, ни боли, ни горечи, ни тоски, но одна беспредельная пустыня, беспросветная серая мгла угнетает сознание.

Ведь не страдать это значит не участвовать в жизни, в её страде быть «лишним» и никчемным, обречённым на безработицу в самом жестоком смысле этого слова. И там, где, по-видимому, нет страдания,— в мещанском самодовольстве и сытости, незримо и властно царит именно эта жесточайшая кара тяготеющая над человеком — скука.

Остриё и жало темы о страдании есть вопрос о его смысле. Он рождает так сказать «страдание о страдании». Человек способен на героические усилия, если он верит в ценность, цель, смысл своей жертвы. Но отнимите у него веру в смысл его страдания, и у него опустятся руки даже для повседневной работы. В самом деле, имеет ли страдание смысл? Имеет ли оно объясняющую его причину и оправдывающую цель? Ведь иначе действительно весь наш «прогресс окажется не стоящим одной слезы ребёнка».

Однажды спросили Будду: отчего происходит страдание? Он ответил рассказом: «Охотник в лесу упал, поражённый стрелой. Стал ли он или окружающие спрашивать, откуда стрела? Или из чего она сделана? Конечно нет. Но прежде всего его друзья постарались извлечь стрелу». И тем не менее важно также понять причину нашей скорби, чтобы избежать её в другой раз; важно также знать цель наших испытаний, потому что такое сознание укрепляет дух, делает его стойким в перенесении боли; мы ведь знаем, что самое тяжкое в страдании это его бесцельность. Не страшно страдание — только бы цель у него была стоящая, достаточно великая!

Причина страданий

Теперь попытаемся определить — что такое страдание. Страданием мы называем чувство неудовольствия, которое мы испытываем в том случае, когда действительность не отвечает нашим желаниям. Под действительностью мы разумеем и внешние обстоятельства, например: бедность, болезнь, голод и холод и наши нравственные действия, наши поступки, которые также нередко противоречат нашим высшим желаниям.

Где же причина страданий? Рассматривая вопрос глубоко и по существу, мы приходим к выводу, что источник страданий обычно заключается в уклонении человека от законов природы, как физической, так и духовной. Или

наши желания дурны, то есть они противоречат действительности и, говоря глубже, природе вещей, природе человека в её должном первоизданном существенном смысле. Или наоборот, видимая действительность противоречит нашим хорошим желаниям и мы страдаем таким образом из-за добра. Но это опять таки потому, что самую действительность извратили дурные желания человека. Вот почему хорошие люди и должны переносить страдания от столкновения с искажённой, испорченной природой вещей. Ибо «всяк за всех виноват», каждый из нас есть лишь звено в великой цепи бытия и в жизни мы делим часто незаслуженные радости.

Иногда, как мы уже сказали, наша собственная нравственная действительность, наши действия противоречат нашим высшим желаниям — «доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» и мы испытываем глубокое внутреннее страдание — мучение совести.

В конечном счёте почти всегда мы найдём первопричину страдания в грехе (своём или чужом), в нарушении законов жизни, разъединяющих нас с Богом, людьми и природой (мысль Фребеля гласит: «Цель воспитателя есть воссоединение человека с Богом, людьми и природой»). «...Грех есть беззаконие» (1 Иоан. 3, 4).

Какие же это законы? На языке биологии и социологии — это законы жизни, сохранения рода и вида, общества и личности. На языке этики — это законы любви, чистоты, справедливости и почитания того, что выше нас. На языке религии — это заповеди Бога.

Здесь кстати сказать, что Библия в вопросе происхождения и природы зла (откуда зло) существенно отличается от других религиозных учений, например, от древне-персидского; в то время как последнее признаёт зло, как «субстанцию», то есть как сущность и наравне с Богом существующую, Библия признаёт зло лишь как отношение. Дьявол — это бывший ангел, ставший к Богу в неверное отношение, противоречащее его первоизданной, доброй природе. Таким образом и метафизическое зло по Библии есть лишь свободное отклонение данного существа от своей нормальной природы. Вопрос о смысле страданий, как мы видим, с одной стороны связан с вопросом о зле, а с другой стороны он примыкает к вопросу о смысле жизни, о том основном задании, для которого живёт человек.

Этот основной закон есть «обожение» (выражение древнехристианской литературы) человека, раскрытие в нём и во всей природе божественного начала, так чтобы искра Божья, способность любви, мудрости и творчества разгорелась в пламя, чтобы человек и мир насквозь стали солнечными, чтобы высшая жизнь духа охватила всё бытие и Бог был бы «всё во всём».

Не о том же, в собственном смысле, говорит и наука — натурфилософия, считающая, например, что основная цель природы (её тенденция) есть завоевание солнечной энергии (физик Пиндаль). И вот всякое отклонение от этого основного закона и смысла (Логоса) бытия рождает страдания. И соответственно этому источником страдания является также отклонение от смысла

личной жизни данного отдельного человека от его жизненного пути, уклонение от своего призвания.

Библия говорит, что основной источник нашего страдания есть «изгнание из рая», вызванное грехом неповиновения, уклонением от заданной нормы, изгнание от Бога и от Божьей совершенной природы. И с тех пор история есть — «возвращение в рай». И мы вернёмся в него лучшими, чем вышли из него, ибо мы вышли из него с познанием зла, а вернёмся с победой над злом, вышли побежденными, а вернёмся победителями. И в самом деле, разве вся история, весь коллективный труд человека, вся затаённая дума людей не есть ли тоска о потерянном рае и стремление его возвратить?

Оставим теперь вопрос о причине страданий, а перейдём к рассмотрению вопроса о его цели, и прежде всего обратим внимание на его жизненные следствия, то есть, другими словами, спросим себя: к чему приводит страдание?

Первое — учит нас правде.

Второе — страдание очищает душу.

Третье — страдание облагораживает человека

Четвёртое — страдание готовит к великому служению.

Первое — страдание учит нас правде

Не даёт ли оно благих плодов в жизни и тем самым не оправдывается ли страдание? Ведь вопрос о смысле страдания, как мы уже сказали, складывается из двух вопросов: почему и зачем?

Посмотрим на жизнь сквозь призму нашего личного опыта. Не признаем ли мы, что многие страдания в нашей жизни оказали на нас благотворное влияние и были для нас школой жизни? Во-первых страдание, неизбежно испытанное нами вслед за каким-либо нашим преступлением, учит нас правде, подтверждая наличность нравственного закона в жизни. Я обидел человека, а вскоре и сам испытал горечь обиды, причинённой мне самому, может быть другим лицом. Я пожалел дать нищему, а вскоре потерял на улице свой кошелёк. Иаков обманул Исава, похитив у него первородство, а потом был и сам обманут Лаваном, подменившим ему невесту. Царь Адони-Везек, после того как победители евреи отрубали у него большие пальцы на руках и на ногах сказал: «...Семьдесят царей с отсеченными на руках и на ногах их большими пальцами собирали крохи под столом моим; как делал я, так и мне воздал Бог» (Суд. 1, 5—7). В жизни постоянно осуществляется закон: «Чем кто согрешил, тем и наказывается». Эти страдания практически учат нас тому, чтобы мы не делали другим того, чего не хотим себе. Они свидетельствуют нам, что в жизни господствует не нравственный хаос, но удивительно стройный и строгий порядок, основанный на правде, которая рано или поздно скажется. «Бог правду видит да не скоро скажет». Иногда в жизни встречается видимое нарушение этого миропорядка и сам пророк Асаф впадает в затруднение при виде «благоденствия нечестивых людей, праздных беспечных и в то же время умножающих богатство». И думал я,

как бы уразуметь это: но это трудно было в глазах моих доколе не вошел я во святилище Божье и не уразумел конца их (Пс. 72).

Многие завидовали богатому сардийскому царю Крёзу, но мы знаем, что греческий мудрец Солон отказался признать его счастливым при его жизни, ибо говорил он царю, что о счастье человека можно будет заключить лишь по тому, каков будет конец его. И действительно Крёз впоследствии был покорён другим царём, лишился всех своих сокровищ и даже был подвергнут мучительной смерти через сожжение. Стоя на костре, он воскликнул: «О Солон, Солон!»

С другой стороны, невинно понесённые тяжкие испытания Иова сменились высшим благоденствием, продолжавшимся до конца его жизни. Так важно открыть и осознать нравственный строй жизни хотя и ценою страдания (не в хаосе, а в космосе). Поэтому так понятно восклицание Давида: «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим».

Второе — страдание очищает душу

Это утверждает ещё книга пророка Даниила 11, 35: «Пострадают некоторые и из разумных для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени...». Затем греческий мудрец Аристотель и наконец, наш великий писатель Достоевский пишет: «Потребность человека в очищающей скорби так велика, что часто он сам ищет возмездия, наказания за преступление, лишь бы утолить свою совесть». Не это ли заставило Раскольникова пасть на городской площади и всенародно исповедать свой грех, а затем раскрыть совершённое им убийство в полицейском околотке? Он с радостью идёт на каторгу, чтобы внешними страданиями успокоить внутреннюю муку.

Этим конечно ещё не достигается очищение души от вины в очах вечной Божественной правды, ибо это могло совершить лишь Голгофская жертва Христа. «...Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1 Иоан. 1, 7), но всё же этим добровольным страданием человек переплавляет душу и готовится её для принятия высшего Божественного очищения, поскольку в деле искупления должно участвовать и усилие человека, свидетельствующее об искренности его покаяния. «Сотворите достойный плод покаяния»,— проповедовал Иоанн Креститель.

Третье — страдание облагораживает человека

Далее страдание является для нас источником огромных нравственных ценностей и положительных духовных приобретений: оно приводит нас к вере, любви и духовной силе. Мы живём на этой земле для того, чтобы поработать над красотой нашей души и жизнь есть огромная мастерская, в которой душа готовится для нового неба и новой земли. Ужасы войны, когда мы стояли лицом к лицу со смертью и лишены были всех привычных опор,

многих из нас привели к Богу. «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла»,— свидетельствует Достоевский. Этим горнилом послужило и жуткое ожидание казни, когда он в 1849 г. стоял на эшафоте, и ужасы 4-летней каторги и жизни в «мёртвом доме» и тяжёлая физическая болезнь (эпилепсия). А не будь у него этой осанны, то есть гимна Христу, у нас не было бы его великих произведений, где эта пламенная вера проливает лучистый свет в мрачные бездны «Карамазовщины», в адскую тьму «Бесов», в глубины бездонной человеческой скорби. Не было бы старца Зосимы с его пророческим христианством, ни благоуханного образа Алёши, ни восторженного идеалиста князя Мышкина, словом у нас не было бы великого Достоевского. Мы не имели бы его проникновенной поэзии, которую можно назвать мистерией страдания, разрешаемой во Христе, подобно тому, как всё его творчество может быть названо «книгой о Христе», согласно известному выражению, найденному в его записной книжке.

«Отчего ты, Лука, так мягок?» — спрашивают одного из героев драмы «На дне» М. Горького. «Оттого мягок, что много меня мяли». И разве мы не испытали того, как страдание делает нас снисходительнее к другому, воспитывает чуткость к чужому горю, понимание души человека? Не потому ли ангел восхищает в рай душу Тамары (В поэме Лермонтова «Демон»). «Она страдала и любила и рай открылся для любви». И разве не самое ужасное — потеря способности любить? Ведь ад есть, по словам старца Зосимы — страдание о том, что нельзя больше любить. И не должны ли мы даже ценою больших жертв стремиться к стяжанию этого великого дара? Нередко из страдания человек выходит крепче. Оно закаляет его волю, являясь гранитным упором, при помощи которого развивается выдержка, настойчивость и энергия. Деревянная Москва сгорела в 1812 г., но из пепла выросла Москва каменная.

Мальчик, найдя куколку, из которой усиливалась выбраться бабочка, стал ей помогать: он раскрыл куколку. Бабочка пошевелила крылышками, но увы! летать не могла. Для того-то нужно было ей самой преодолеть свои оковы, чтобы укрепить свои слабые мускулы. Так вредна бывает преждевременная помощь. Замечательно, что человек гораздо труднее переносит свой успех, свою славу, богатство, внешнюю красоту, чем свои неудачи: первые могут легко его испортить, сделать гордым, ленивым и потому слабым. В частности телесные страдания могут способствовать нашему нравственному освобождению, ибо «страдающий плотию перестает грешить» (1 Петр. 4, 1). Орлица бросает своих птенцов с родной скалы из гнезда. Они усиливаются летать, кувыркаются и падают, но мать бросается вниз и в нужную минуту принимает их на свои могучие крылья. Так она учит летать своих орлят. Так Бог учит нас летать, как Он учил Израиля — Втор. 32. Ибо мы созданы действительно не для того, чтобы ползать в прахе земли, но летать. Кто-то сказал, что наши руки — это остатки крыльев. Подниматься над всем, парить духом над плотью, быть одухотворёнными, огнекрылыми... И в трудную минуту мы падаем, но не в бездну, а на распростёртые могучие крылья. «Чело-

век рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх» (Иов. 5, 7).

Это нынешнее твоё страдание, которого ты так трепещешь — оно впитает новую черту, красоту в твою душу, в твой образ, оно чеканит твой идеальный облик «по образу Бога». Только переноси его и не бойся ударов великого резца, который отсекает от мрамора обломки, заслоняющие дивную красоту — её зрит Своим провидящим оком Божественный Художник.

Четвёртое — страдание готовит к великому служению

Страдание не только делает нас лучшими, но оно вырабатывает в нас способность и других делать лучшими. Оно готовит нас к выступлению на большую арену жизни. Через эту школу прошёл Иосиф, испытавший предательство и темницу, Давид, переживший гонение и скитание.

В этой школе нищеты и покинутости, одиночества, непризнания люди получают новое сердце, делающее их способными служить великому.

И Он мне грудь рассёк мечом, И сердце трепетное вынул.

И уголь, пылающий огнём, Во грудь отверстую водвинул,—

Говорит у Пушкина пророк о пережитом им огненном преображении свыше. Это крестный путь всех вождей, подвижников и праведников, которые умерли для человеческой славы, чтобы жить для Божией славы, покончили с человеческими традициями и мнениями и потом стояли против целого народа, как «медная стена», «держа лицо свое, как кремль».

«Сын мой, если ты приступишь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению, ибо золото испытывается в огне, а люди угодные Богу в «горниле уничтожения». И по той же причине Бог посылает Апостолу Павлу «жало в плоть», чтобы он не возгордился, и «не превозносился чрезвычайностью откровений», но понял великую тайну смирения. «Сила Моя совершается в немощи». Страдание ведёт не только к силе, но и мудрости. Оно утончает взор, углубляет способность к откровениям.

Далее, чтобы звать людей к Богу, нужно воспитывать в себе чистую, бескорыстную любовь к Нему, любить Его ради Него Самого, а не ради успеха или страха наказания или даже спасения. «Хотя бы не расцвела смоковница и не было плода на виноградных лозах, и маслина изменила, и нива не дала пищи, хотя бы не стало овец в загоне и рогатого скота в стойлах,— но и тогда я буду радоваться о Господе и веселиться о Боге спасения моего» (Авв. 3, 17—18). Такова вера пророка.

Однажды я слышал проповедника, слово которого было как огонь пополающий и как молот разбивающий скалы. Позже я узнал, что жизнь этого человека представляет цепь испытаний, начиная с безвременной утраты самых близких людей. И тогда я понял великую истину: чтобы разбивать словом жестокую скалу человеческих сердец, нужно самому испытать, что значит разбитое сердце. И ведь не то страшно, когда сердце разбивается, а когда оно превращается в камень. Не в этом ли тайна вечного и непобедимого обаяния Христа? Потому Он и может сострадать нам в немощах наших, что «Он

подобно нам искушен во всем, кроме греха». Он Сам прошёл весь путь человеческого страдания, «взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни».

Непонятные страдания

Однако есть и непостижимые страдания, часть их мы начинаем понимать лишь со временем, часть их станет ясными тогда, когда откроется вся книга нашей жизни, все действующие в ней подчас забытые причины и цели, когда обнаружатся «тайны нашего сердца». Иногда слушатель поражается диссонансами в музыке Вагнера, но терпеливое ожидание конца пьесы открывает дивные аккорды, которыми разрешается дисгармония, причём без последней они не были бы столь прекрасными.

Но всё же существуют страдания, причину которых напрасно искать в наказании за грех и также подчас непонятна их цель. Это страдания незаслуженные и потому непонятные. Их тайна совершается в ином потустороннем плане бытия. Они посылаются не в наказание, а для испытания. О подобном испытании говорит книга Иова. Сатана спрашивает Бога: «Разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и всё, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле. Но прости руку Свою и коснись всего, что у него — благословит ли он Тебя?» Бог попускает сатане лишить Иова детей и всего богатства. Но после того Иов встал, «разодрал верхнюю одежду свою»... пал на землю и поклонился: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь взял. Да будет имя Господне благословенно». Так испытана была вера Иова. Так он одержал первую победу и этим оправдал человеческое достоинство, оправдал человека.

Тогда сатана просит более сурового испытания — унижительного и жестокого телесного страдания самого Иова. И он поражён проказой. Но и тут Иов побеждает. «Неужели доброе мы будем принимать, а злое не будем принимать»,— восклицает он. Этот род страданий вызван не грехом человека, но тайной бытия. Эти страдания даны человеку не по его вине, но «да явятся на нем дела Божию», а да оправдается человек, а следовательно и создавший его Бог. Победа добра в душе человека, его оправдание (аналогия) требует, чтобы человек свободно, бескорыстно предпочёл и избрал правду и тогда, когда нет за неё никакой награды и даже когда человек терпит невинное страдание. Ибо Христос «возжелал свободной любви человека» (как сказано у Достоевского в «Великом инквизиторе»). Этого испытания требует оправдание добра в мире, проблема нравственной свободы. И оно вверено человеку, ибо он-то и обладает свободой выбора в высшей мере.

Не продолжается ли это испытание и в наш век, только, может быть, в иной форме согласно духу времени? Снова приходит к престолу Бога дух отрицания — Мефистофель и получает позволение искусить человека нового времени, мыслителя доктора Фауста. Ему дано уже коснуться души человека, отравив её ядом сомнения. Всю силу диалектики ума, тонкой логики

Мефистофеля направляют против Фауста, в то же время подвергая его различным искушениям плоти. И Фауст поддается и в отчаянии хочет покончить с собою. Но в конце концов, и в этой борьбе высшее нравственное начало побеждает в душе человека, как это видно из второй части данной драматической поэмы и как об этом свидетельствуют факты действительной жизни тех, кого и называем великими и мудрыми и святыми.

Это горнило сомнений прошли гениальные учёные, открыто ставшие затем на сторону Бога и Христа. Так через всю историю проходит это состязание, по временам разгораясь в мировую борьбу Христа и антихриста. Устоит ли окончательно в этом испытании человек, благословит ли Бога за добро и скажет ли из глубины своего страдания, по слову Ивана Карамазова: «Прав Ты, Господи, ибо открылись пути Твои!» Выйдет ли из этой борьбы за хлеб, свободу и славу человеком, то есть существом, у которого чело обращено к вечности? (по выражению Герцена). В этих вопросах выражается сущность многих испытаний, заданных человеку на протяжении истории.

Относительно таких страданий скорее можно уразуметь зачем они происходят, чем почему, ибо причина их совершается там в потустороннем мире и корни их уходят в запредельную трансцендентную сторону добра, полную для нашего ограниченного ума тайн антиномии. И такие непонятные страдания Бог доверяет избранным невинно страдать, не спрашивая почему и зачем, ибо они имеют дар «жить верою а не видением».

Принятие страданий

Итак, вот каким образом освещается вопрос о смысле страданий, вопрос — отчего и зачем они происходят. Они имеют свою действующую причину, а именно уклонение от нормы и смысла жизни. Они имеют также и свою цель, целевую причину — возвращение человека к норме, к его испытанному назначению, воспитание человека в бескорыстной любви к добру.

И поскольку причиной является уход от Бога, цель есть возвращение к Богу, и чрез Него, к природе и людям и даже больше — обожение всего, чтобы «Бог был всё во всём». А это есть цель бытия, как уже выше сказано. И таким образом смысл страдания осуществляется в том, что оно служит смыслу бытия вообще. И потому есть такие люди, которые благодарят за страдания. «Благодарю Тебя, Боже, что Ты посылаешь нам не одни только солнечные лучи, иначе мы превратились бы в пустыню, но Ты посылаешь нам также тучи и дождь чтобы мы могли приносить плоды».

И даже есть такие люди, которые боятся жизни без страданий. Лучшее страдание, чем самодовольная мещанская беспечность. Пусть оно будет нас от сна равнодушия окаменённого нечувствия. Жизнь без страданий опасна и «Бог, Который не наказывает нас — это Бог, Который не занимается нами». Вероятно этим объясняется факт, что некоторые люди сознательно ищут страданий.

«В страдании душа поэта зреет. Страдание — святая благодать»,— говорит Жуковский в поэме «Кама». Отсюда становится понятным также выражение бельгийского поэта Метерлинга: «Есть ангелы прекраснее людей, но в их очах нет слёз».

Однако далеко не все люди побеждают страдание, многие бывают раздавлены им. У них оно рождает не хвалу, а хулу, не благословение, а ропот и проклятие. И вот перед нами теперь практическая задача:

Как преодолеть страдание?

Истинная «мудрость о страдании» (её можно назвать патософией), заключается не в одном лишь анализе страдания и его объяснении (патологии), а в умении его побеждать, мудро овладеть им. И в этом заключается одна из важнейших задач жизни, ибо принять жизнь значит принять страдание и уметь жить, значит уметь страдать.

Практически мы относимся к страданию двояко: или мы бежим от него, или его принимаем. Первое отношение обнаруживает Будда: он сознаёт, что действительность дурна и желания дурны; он бессилён переделать то или другое. И потому он видит единственный выход в том, чтобы уйти от всяких желаний, от личности, от самосознания в нирвану (род небытия). Этот путь есть бегство, уход от жизни, жажда безжеланности. Конечно, Будда сказал то, что мог сказать, будучи человеком и притом живя за 6 веков до явления в мир Иисуса Христа. Он пришёл к убеждению, что жизнь глубоко испорчена и искажена, что этой жизнью не стоит жить, и лучше не жить никакой жизнью, чем этой и потому он проповедовал духовное самоуничтожение.

Более грубое и легкомысленное бегство от страданий люди находят в стремлении минутным наслаждением заглушить горечь жизни (древнегреческое эпикурейство — гедонизм), забыться безумием «пира во время чумы» или пляской на краю смерти...

Другое отношение к страданию есть его принятие. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать»,— говорит Пушкин со свойственным ему жизнелюбием. Но и в принятии страдания ещё не всё разрешение вопроса. Можно тупо терпеть, стиснув зубы, а можно преодолевать и преображать страдание. Оно может быть камнем, давящим душу, но оно же может сделаться скалою, на которую мы станем, как на твёрдую опору.

Может быть, мы даже овладеем тайной претворить этот камень в крылья, которые будут нас поднимать? И не в этом ли высшая мудрость, божественное творчество жизни? «Вся мудрость в том, чтобы радостно во славу Бога петь. Равно да будет сладостно и жить и умереть».

Когда Иеремия, этот скорбный пророк, рыдающий о своём народе и ненавидимый этим народом за постоянные обличения, падает духом, он жалуется Богу: «Горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею...» (Иер. 15, 10).

«О, Господи! ...Ты знаешь, что ради Тебя несущее я поругание. За что так

упорна болезнь моя, и рана моя так неисцельна, что отвергает врачевание? Неужели Ты будешь для меня как бы обманчивым источником, неверною водою?» Бог отвечает ему: «...Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста» (Иер. 15, 19) — будешь обладать властью, творческой силой божественного слова.

Поистине, всё великое входит в этот мир через врата страдания. Мы любуемся жемчужиной, её нежным матово-радужным отливом. Как она рождается? В тёмных глубинах Индийского океана живёт моллюск в своей створчатой раковине. В раковину попадает песчинка, которая раздражает тело моллюска. Последний в целях самозащиты выделяет из себя перламутровую жидкость, которая обволакивает песчинку. Эта работа идёт годами. Так рождается жемчуг, красота венцов и ожерелий. Так рождается всякая красота, но не всякое страдание способно её произвести. И потому, обращаясь теперь к переживаемым нами страданиям, мы должны прежде всего различить два рода их.

Страдание за неправду

Есть страдания за нарушение правды, т. е. которые вытекают из несоответствия действительности с нашим дурным желанием. В этом случае действительность хороша, но наши желания греховны. Скупец сохнет от жадности, алкоголик изнывает, не находя возбуждающего напитка, жестокий человек ночей не спит от того, что ему не удаётся мечь и т. д. Ведь всё это тоже страдание. «Скорь и теснота всякой душе человека, делающего злое...» (Рим. 2, 9). О, сколько этих мучеников во имя «учения мира», как говорит Лев Толстой в своей статье «В чём счастье?» Гораздо больше, чем за учение Христа и гораздо тяжелее эти страдания, потому что они бессмысленны, они и не могут иметь смысла, потому что вытекают из нарушения смысла жизни, законов правды, любви и чистоты. Они происходят от борьбы против Христа, во имя греха, против Смысла (Логоса) во имя бессмыслицы. Их временный относительный отрицательный смысл (их противопоказание) состоит лишь в том, что они свидетельствуют об уклонении от истинного, вечного смысла жизни и показывают, как не надо жить. Так некогда Христос подстерёг противившегося Ему Савла: «Трудно тебе идти против рожна».

Все эти физические и душевные болезни лишь сигнальные огни, которыми природа оградила края зияющих бездн и топких болот, чтобы охранить человека. Это самозащита — иммунитет природы. И величайшее из этих страданий — скука, свидетельствует о высшем назначении человека, о том, что природа его души не терпит пустоты, и что этой пустоты не заполняют никакие самые материальные фантазии, ибо «бессмертную душу может насытить только Бог».

Эти страдания мы не должны терпеть, но устранять их, удалив их причину — грех. Вся силу священного гнева и непримиримого протеста, на который только способен человек, должен он обратить против этих пора-

ботителей души (гордость, жестокость, нечистота), которые обещая сладость человеку, подносят к устам его лишь «кубок смерти, яда полный».

«...Печаль мирская производит смерть»,— говорит Апостол Павел (2 Кор. 7, 10). Эти страдания не стоят ни одной слезы, ни одного вдоха, поэтому «свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех...» (Евр. 12, 1),— говорит Писание, и эти слова звучат всегда как призыв к тому глубокому духовному перевороту, который называется революцией духа.

Страдание за правду

«Если страдаешь за дело — кайся, если страдаешь незаслуженно — радуйся». Но есть страдания иного рода, страдания за правду, за торжество любви, чистоты, послушания Богу, страдания за Христа. Здесь с великими желаниями сталкиваются враждебная действительность как в других, так и в нас самих. И чем выше желание, тем глубже может быть трагедия от распада между ними и действительностью. Это борьба против греха во имя Христа. Это печаль ради Бога, которая производит неизменное покаяние ко спасению. На пути нашем к правде стоят эгоизм, самоутверждение, грубая чувственность во мне самом, и я объявляю им борьбу. Эта борьба не цель моя, но неизбежный этап на пути к обожению и поскольку эти препятствия со стороны моего «я», плоти и людей мира восстают против моих высших желаний, я страдаю — но эти страдания за правду.

Со стороны людей не признающих Христа, я неизбежно должен терпеть гонения, насмешки, неодобрение всякой бескорыстной правды. «Люди не прощают добра», как это ни странно. Люди распяли Христа, они гонят Его и теперь. «Зачем же Ты пришёл нам мешать?» — говорит великий инквизитор: «Ибо Ты пришёл нам мешать и Сам это знаешь».

В этом мире, где распят наш Господь, мы должны быть гонимы, если мы не в дружбе с этим миром. «Станет ли воин жаловаться на свои раны, если он видит своего полководца истекающим от крови на поле битвы?» (Экхарт). Всякий идущий за Христом без креста, недостойн Его. «Все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы». Русский народ выражает эту мысль простыми словами: «Христос терпел и нам велел». И это так естественно. У нас с миром разные цели. Мы боремся во имя Христа — мир борется с Христом во имя греха. Поэтому мы для мира всегда будем «эксцентричны» по выражению Друммонда, ибо у нас с миром разные центры. Мы боремся с грехом в людях, боремся с человеком за человека. И такая борьба не прощается не только со стороны духа тьмы, но и тех людей, которые «тьму возлюбили более нежели свет».

И более всего неизбежно страдание за самое важное — за исповедание имени Христа и Евангелия, словом и делом. Это наше «участие в страданиях Христовых». Вот в каких словах выражается апостольская первохристианская вера, та, которая дала миру красоту мученичества. «Как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении Его возрадуетесь

и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь... итак страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро» (1 Петр. 4, 13—19). Эти страдания прекратятся лишь в Царстве Божьем, когда оно явится во всей своей силе, и именно для того, чтобы это Царство радости наступило, нужно страдать.

Отсутствие в нашей жизни страданий за Христа, за правду — печальный признак, свидетельствует о компромиссах, об уступках миру и плоти. Страдание за Христа есть не тяжкая доля, а радостное преимущество и потому Апостол говорит: «...Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Фил. 1, 29).

Только страдания за правду имеют смысл, ибо это страдание за Смысл, за Логос, за Христа. Об этих-то страданиях сказал Христос: «Печаль ваша в радость будет» и «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное».

Как же нам отличить страдания за правду от страданий за нарушение правды? Для этого мы должны внести в нашу жизнь высший образ (критерий добра и зла), принять Того, Кто есть Смысл жизни... Кто сказал о Себе: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». И в этом свете мы не только различаем губительные страдания от ближних. Если солнце имеет не только световые лучи, но и тепловые и химические, так и лучи Христа не только озаряют своим сиянием, но и сожгут очищающим огнём страдания за ложь, устранив их причину,— тёмные низменные желания, а страдание за правду они преобразят в радость и красоту.

Христос и страдание

В самом деле, не для того ли пришёл Христос в этот мир, чтобы освободить человека от тяжести страданий? Не в этом ли благая радостная весть Нового Завета? Вне Христа человек тщетно усиливался разрешить вопрос о страдании. Как было уже сказано, учение Будды стремится устранить страдание через уничтожение желания в человеке; но этим оно делает человека бесстрастным, бесчувственным, безличным, то есть вместе с страданием Будда устраняет и сознание и самую жизнь, а Христос преобразует дурные желания в хорошие (ибо дурные желания причиняют человеку губительное страдание). Он устраняет из желаний лишь их смертоносное жало — грех, самую же личность человека, его сознательную духовную жизнь Он утверждает.

Только наша поверхностная осведомлённость может ставить Будду наряду со Христом. Вспомним хотя бы ещё тот факт, что Будда ужасается перед лицом смерти. В Евангелии же смерть бежит от Христа. Христос не ска-

зал ни одной погребальной речи, когда Он встречал похороны, Он просто их прекращал, воскрешал мёртвых — «Юноша! тебе говорю, встань» (Лук. 7, 14). Такими словами пробудил Он умершего к жизни.

Страдание есть основной вопрос человека, вопиющего к Богу. Христос — есть ответ Бога на этот вопрос. Вспомним программу Христа, как Он провозгласил её в Назаретской синагоге: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня... исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Лук. 4, 18). Он принёс Евангелие милосердия и любви. Люди всегда будут любить эту Книгу, потому что в ней они найдут отзвук на все человеческие печали, начиная от горьких слёз отрекшегося Петра и кончая невыразимой скорбью девы Марии, стоящей у креста с сердцем, пронзённым мечом тоски о Сыне Своём.

И наконец, здесь мы встретим превосходящие наш опыт муки Господа. Ведь Он Сам прошёл весь тяжёлый путь человека, притом неся на Себе наши скорби без вины. Христос родился в яслях и умер на кресте. Когда настало время Его рождения, не было места для матери. Он испытал и долю «беженства» во время бегства в Египет. Потом Он говорил о Себе: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову». Он плакал. В Гефсимании, находясь в борении, Он молился «и был пот Его, как капли крови, падающие на землю». «...Душа Моя скорбит смертельно», — сказал Он в ту ночь ученикам. И наконец, Он на кресте перенёс муки, которых мы никогда не поймём, муки оставленности Богом: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» И потому «как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь».

И потому Он сказал и теперь говорит с властью эти слова, обращённые к страдающим всех времён и к тем, кто страдает за грех, прежде всего: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Что же даёт Христос человеку, обременённому страданием за неправду? Прежде всего Он даёт «слепым прозрение», то есть научает отличать страдания за ложь от страдания за правду. Он прощает вину, и этим освобождает от величайшей кары за неправду, от муки совести, и этим самым вновь соединяет нас с источником жизни — Богом.

Наконец, Он извлекает причину страдания — стрелу греха — из нашего сердца, освобождает от власти греха тех, кто томится в плену своих низменных вожделений. Он освобождает от страдания нарушения правды, потому что освобождает от порока, влекущего за собою тяжёлые последствия. Поистине, Он влагает персты свои в наши раны. Он до конца возлюбил человека, не только всё человечество, но и каждого из нас, тебя и меня... Библия дышит личной любовью Бога к человеку. «...Любовью вечною Я возлюбил тебя...» (Иер. 31, 3). «Я... назвал тебя по имени твоему; ты — Мой» (Ис. 43, 1). Этими словами может быть выражена любовь Бога не только к Израилю, но и к каждой отдельной личности.

Теперь посмотрим, как Он помогает нам переносить, преодолевать те страдания, которые мы не можем отвергнуть, которые мы терпим не по своей воле, но со стороны зла и его сторонников или как следствие чужого греха (в сфере наследственности, влияния среды и т. п.). Неверующие говорят нам: «Христос утешает вас будущим». Да, это правда, верные имеют светлую будущность, простирающуюся и на посмертное существование и на всю вечность. Мы знаем, что страдания наши кончатся. И не только кончатся, но и разрешатся в торжествующий аккорд. Плачущие не только перестанут плакать ибо «отрет Бог всякую слезу...», но и утешая утолением сердечной тоски, исполнением заветных желаний. «Конец твой будет хорош»,— говорит Бог пророку Иеремии, переносящему несправедливые и жестокие гонения со стороны родного народа.

Однажды я ехал в поезде среди гор. Свинцовые тучи клубились над горной цепью, преграждая путь. Внезапно непроницаемый мрак окутывает путь. Это туннель, километров восемь поезд едет под землёю. И вдруг брызнули лучи, покинула тьма, и мы вылетели в солнечный простор полей и лесов. Непогода осталась позади. «...Не всегда будет мрак там, где теперь он огустил» (Ис. 8, 22).

Чем тяжелее испытание, тем ярче «нечаянная радость», которая приходит потом. «Чем ночь темней, тем ярче звёзды». Чем темнее ночь истории, тем ближе утро вселенского рассвета. После сумрака этого мира вспыхнет заря незакатного дня, когда снова придёт Христос, и на всей земле воцарится правда и любовь. «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его».

«Там, на небесах я снова получу свой слух»,— были последние слова Бетховена, оглохшего в расцвете своего музыкального творчества. Болезнь, которая угнетала и уродовала нас здесь физически, оставит нас. Правда Христа, за которую мы боремся, победит после всех победителей. И каждый из нас лично разделит торжество победы. Это наше будущее. Мы его знаем.

Будущее есть и у тех, кто борется против Христа за неправду, но какое? И они заботятся не только о далёком будущем, но и о завтрашнем дне. И не эта ли забота отравляет их душу? И лишь «тот, кто с Богом светло глядит вперёд» (Гоголь). Но у нас есть и настоящее.

Мы принимаем страдание не как удары судьбы, ибо верим не в слепую судьбу, а в Судью, в Того, Который праведно судит и изрекает судьбу, и даже не в судью, а в любящего Отца, из рук Которого мы принимаем испытания. Нужна ведь Божественная «мера страдания» и её знает только Бог. «И Тот, Кто возлагает на нас бремя каждый день, Он же и спасает нас». «Он причиняет раны, и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачует» (Иов. 5, 18). Он помогает нам переносить страдание, сообщая нам свою благодарную силу. Вот откуда непобедимость и неутомимость верующего человека. В то время как силы и самого сильного взвешены и измерены, силы верующего кто может сосчитать, если они заключены в Том, Кто сотворил вселенную, Кто не утомляется и не изнемогает? «Утомляются и юноши

и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе,— поднимут крылья как орлы». Вот где тайна неиссякаемой силы и воли к добру у всех этих героев веры, начиная от Моисея и Апостола Павла и кончая таким как Ливингстон, который с компасом и с Евангелием в руках и в сердце пробивается через дикие леса Южной Африки на расстояние тысячи километров, окружённый враждой и клеветой со стороны работорговцев. Они были среди людей одинокими, но никогда не были одни. «Не бойся, только веруй», «не бойся, ибо Я с тобой», «око Мое над тобою», «не оставлю вас сиротами, приду к вам»,— говорил Христос Своим ученикам.

Молитва, как реальное общение с живым Богом давала им постоянный приток силы. «Господь Бог помогает мне: поэтому Я не стыжусь, поэтому Я держу лицо Мое как кремень...» (Ис. 50, 7).

«С души как бремя скатится
Сомненье далеко,
И верится, и плачется,
И так легко, легко...»

Так говорит Лермонтов о силе молитвы, к которой он прибегает в минуту грусти. Молитва переносит сознание маленького «я» на великое «Ты», поднимает над жалкой видимостью в духовный, необъятный мир, где царствует Бог. Псалом 76, которым особенно укреплялся в минуты уныния друг обездоленных детей Георг Мюллер. В этом псалме уныние переходит в состояние ликующего восторга с того момента, когда душа человека переводит свой взор с своего «я» на Бога.

Живая вера через молитву не только даёт силу переносить скорь, она претворяет страдание в радость силою любви. Когда мы страдаем за любимое, то любовь заглушает в нас боль. Чем больше мы постигаем любовь Христа к нам и Его светлый совершенный образ, тем сильнее загорается в душе ответная любовь, жажда жизнь свою отдать за Него. И в особенности мысли о Его страданиях поднимают усталую душу. Поэтому и говорит Апостол: «Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы ещё не до крови сражались, подвизаясь против греха». А ведь Он вместо подлежащей Ему радости претерпел крест, пренебрегнув посрамление. «Я это сделал для тебя, что же ты сделал для Меня?» написано на одной картине «Распятие Христа».

У креста, где Он распят, мы начинаем постигать тайну страданий, те проблемы, которые неразрешимы для сухого рассудка. Иван Карамазов в своём бунте против мирового устройства заостряет вопрос о несправедливых страданиях людей, а особенно детей и спрашивает: «Есть ли во всём мире существо, которое могло бы и имело бы право простить?» Алёша вместо отвлечённых доказательств напоминает ему: «Брат... Существо это есть, и Оно может всё простить, всех и за всё, потому что Само отдало повинную кровь Свою за всех и за всё. Ты забыл о Нём, а на Нём-то и созиждется здание, и это Ему воскликнут: "Прав Ты, Господи, ибо открылись пути

Твои!». Он напоминает о той любви, которую нельзя понять, но нужно принять... И той тайне Божественной любви, перед которой «да молчит всякая тварь»...

Я до утра читал Божественную повесть
О муках Господа и таинствах любви,
И негодующая совесть терзала помыслы мои:
Чего мы ждём ещё? Какого откровенья?
Зачем же прячем мы под маскою сомненья
Клеймо порока?

И тот, кто принимал эту любовь и в ответ на неё отвергал себя, радовался страданиям и самой смерти за Христа. В чаше наслаждений этого мира есть горечь на дне. Мир прикрывает свои приманки цветами радости, за которыми таится змея — и она рано или поздно ужалит и отравит смертельным ядом. А между тем, в самых страданиях за Христа есть радость.

Недавно я видел в Дрезденской галерее картину, на которой изображена смерть св. Себастьяна. Юноша привязан к дереву. Он пронзён стрелами, но в глазах его, обращённых к небу, отражается одухотворённое спокойствие, переходящее в восторг. Любовь ко Христу превратила эти пернатые стрелы в крылья и ими душа исторгнута ввысь. «Крепка, как смерть — любовь». Вот склонённая перед палачом юная Екатерина. Она вся поглощена неземною радостью в ожидании перехода в небесный мир: удар меча разрубит последнюю преграду, отделяющую её от лицезрения Небесного Жениха.

Такие факты происходят и в наши дни. Несколько лет тому назад в одной русской деревне на Украине группа молодёжи проповедовала Евангелие. Прибывший туда отряд анархистов-махновцев потребовал прекращения проповеди и в результате неповиновения юные свидетели были мученически убиты. Одна из них девушка 18 лет, по словам очевидцев, шла к месту казни с улыбкой восторга на лице. Показывая на небо, она как бы говорит: «Я иду домой». Она была обезглавлена в числе других.

Апостол Индии Сундар-Синг, который перенёс самые ужасные страдания в Тибете и Индии за Христа, свидетельствует, что страдать за Христа — радость, что испытывая внешние муки, он был на небе.

Когда папа Урбан выражал Екатерине Сиенской беспокойство о том, что, пожалуй, ему придётся умереть мученической смертью от руки врагов. Эта благочестивая и прямая женщина сказала: «Святой отец, вы не столь ещё святой жизни человек, чтобы вам удостоиться мученического конца».

Вот почему Гус с пением псалмов восходил на костёр. Любовь превратила его в огненный престол. Три отрока в пылающей печи остались невредимы, обгорели только верёвки, которыми они были связаны. Только в христіанстве возможны такие слова, которые говорит Апостол Павел: «Нас огорчают, а мы всегда радуемся», «я благодарю в немощах...».

Однажды один из проповедников Евангелия в России отправлялся из Москвы после долгого тюремного заключения в тяжкую ссылку на далёкий Север. Его друзья пришли ночью на вокзал, желая хотя бы взглянуть на него

в последний раз, так как свидание не было разрешено. Он увидел их издали и когда его вводили в вагон, он успел крикнуть им одно слово: «Радуйтесь!»

Поистине, верующий в Иисуса Христа, Сына Божьего, «побеждает мир» и умеет «извлекать из ничтожного». Древний учитель церкви Ориген, следуя скудным научным догадкам своего времени, говорил, будто жемчужина образуется на дне моря «от сорастворения молнии с водой». Применяя этот образ к Евангелию, мы поистине можем сказать, что Христос низвёл с неба на землю молнию, огонь, который растворяясь со скорбью человека, претворяет слёзы печали в жемчуг дивной красоты. Поэтому-то Франциск Асизский говорил, что ангелы завидуют людям, так как им не дано страдать за Бога. И поэтому Христос сказал: «Блаженны изгнанные за правду», ибо за правду можно быть изгнанным лишь из царства лжи, и ведь никакая сила «не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе. «Страдай с благовеством Христовым силою Бога»,— пишет Апостол из темницы своему юному сподвижнику Тимофею. И те, кто переживал узы и темницу за исповедание Евангелия, знают по опыту, что со Христом и в тюрьме свобода, а без Христа и на воле тюрьма.

Сострадание

«Кому поведаю печаль мою?»

Чтобы быть понятыми людьми, достаточно иметь право сказать: «Я человек, испытавший горе». Но чтобы им поистине помочь, надо иметь право сказать: «Я человек нашедший радость жизни через Иисуса Христа». (Ибо только чрез Иисуса Христа открывается радость совершенная.) Ведь на страдание людей надо отвечать состраданием. Люди нуждаются не столько в объяснении своих страданий сколько в утешении и сочувствии, которое может поднять изнемогающего и оживить его душу. Ведь страдание это «рана, из которой брызжет кровь, лишь только к ней дотронется рука иная, чем рука любви» (Уайльд).

В этом мире на пути из Иерусалима в Иерихон, из горнего мира в дальний, лежит ограбленная разбойниками душа. Чем ответим мы на её стоны? Пройдём ли мимо, как тот священник и тот левит, которые спешили в Иерусалим, и может быть ограничились тем, что сотворили молитву о страдающем? Вспомним, что сделал милосердный самарянин? Он возлил на раны несчастного елей и вино и отвёз в гостиницу и позаботился о его будущем. Так нужен елей утешения, смягчающий боль скорбного человека нашего времени, может быть это будет «слово ободрения может быть только молчание, внимательное и чуткое отношение, потому что человеку иной раз нужно только рассказать, поведать, выплакать перед кем-нибудь своё горе. На это способна нежная женственность, заложенная в душу человека. Она умеет сказать не суровое нравоучение друзей Иова: «Тебя Бог наказал», но слово УЧАСТИЯ.

«Жалеть человека надо каждого, и того, кто глубоко пал. Ведь каждый грешный человек — это тоже ты!», как гласит восточное изречение. «Люби человека во грехе его»,— говорит старец Зосима. Но именно человека надо жалеть и любить, а не грех его — больного, а не болезнь его. Поэтому-

му прав был один писатель, который иронически воскликнул: «Добрые... они мир погубили!» И не слышится ли ещё в Ветхом Завете гневное обличение фальшивой доброты лжепророков, которые приходят с лёгкими словами: «всё к лучшему!» Так любят говорить и современные добродушные поповедники, которые вместо того, чтобы решительно извлекать погибающих из болота греха, любезно «пожимают им руки». Они забывают, что только «любящим Бога... все содействует ко благу» (Рим. 8, 28).

Евангельская помощь возливает на раны не только елей, но и вино, чтобы предохранить от гниения, дезинфицировать. Это Божественная сторона Евангелия. Оно утешает человека, но в то же время бичует его грех. Оно не противится злumu, но до крови сражается против зла, против греха. Оно соединяет женственную мягкость с мужественной твёрдостью, без которой первая вырождается в губельную расслабляющую сентиментальность. Оно борется с человеком за человека. Это не опиум, одуряющий человека, но подчас суровая любовь. Христос говорит грешнице: «...И Я не осуждаю тебя...» И в этой благодати елей. Но дальше Он прибавляет: «Иди и впредь не греши» — это вино, оберегающее от гибели. «К одним будьте милостивы... а других страхом спасайте...». Да, в этот мир, лежащий во зле и скорби, нельзя идти без Христовых вина и елея. А со Христом можно идти и в самый вертеп разбойников, в долину скорби, можно жить в мире.

Часто лишь одно слово Евангелия, сказанное с верой, приносит силу и возвращает к жизни. Помню, однажды умер в знакомой мне семье единственный сын, он утонул во время купания. Мать, убитая горем, обратилась ко мне у его гроба с вопросом: «Скажите, мой Боря жив?» — «Если б я утверждал это, что дадут вам мои убеждения? Но вот я напоминаю вам слова Самого Христа: "Бог не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы"».

В тюрьме я встретился с одним смертником, присуждённым за многократные убийства к казни. Его звали Соловьём-разбойником (настоящая фамилия его была Соловьёв). Когда пропала надежда на помилование, обычная энергия стала покидать его. Страх перед будущим, тревога, сознание вины и заслуженности кары, что он признавал сам, стали угнетать его. В то время он был безграмотен и почти ничего не знал из Евангелия. Я рассказал ему, как мог, о всепрощении Христа, воспользовавшись и тем, что на груди у него было выправлено чернью большое распятие, о помиловании блудного сына, о разбойнике на кресте. В последний раз я принёс Ему картинку, на которой был изображён Христос и припавший к груди Его кающийся юноша. Я спросил его: «Кто это?»

«Это Христос...»

«А другой кто?»

«Не знаю».

Я сказал: «Это — Соловьёв!» Тогда он взволновался, глаза его засверкали, он схватил картинку, сжал её в руке и воскликнул: «Это мой мандат! С ним я завтра пойду на смерть!» Так Евангелие побеждает страх смерти, но оно же побеждает и страх жизни.

У Достоевского, в романах которого страдание является главным героем,

именно сострадание, сопровождающееся благовестью о Христе, приводит человека к новой жизни. Так тяжёлая беспросветная трагедия «Бесов» освещается в конце благостными лучами — словами Нового Завета, которые читает русскому атеисту женщина-книгоноша. Христос исцеляет обанкротившегося русского интеллигента, одержимого тёмной силой, как некогда Он исцелил Гадаринского бесноватого. Соня жалеет Раскольникову и стремится пролить свет Евангелия в его мрачную душу. И вот приходит час, когда повествование о воскрешении Лазаря озаряет радостью бедную каморку, где убийца и блудница странным образом сошлись над чтением «Вечной Книги». Новая жизнь, уже загоревшаяся в душе Сони, своим светом согревает Раскольникова. И там и здесь чуткая женская душа выражает своё сострадание в том, что приносит упавшим духом спасающую весть о Христе.

Только с благой вестью претворения скорби в радость, злобы в любовь, зовущей на небесный пир Каны Галилейской, с вестью о воскресении, Алёша Карамазов решается идти из монастыря в этот мир печали и слёз. Книга Слова Божьего раздвигала стены Шлиссельбургских казематов, где томилась декабристы. Один из них — Батенков (в своих воспоминаниях) свидетельствует, что двадцатилетнее одиночное заключение не свело его с ума благодаря чтению Библии.

Что делать?

Из высказанного вытекают определённые жизненные задачи, которые каждый может различить лично.

Через страдание жизнь говорит человеку: во-первых рассмотри, за что ты страдаешь: за правду или ложь? Несёшь ли бремя этого мира греха или благое иго Христа. Во-вторых, свергни с себя страдания за бессмыслицу, за нарушение вечной правды и пойдти не за силой распинающей, а за правдой Распятой. Отвергни своё «я», источник дурных страданий и обратись к Тому, «Кто взял на Себя наши немощи и понёс наши болезни» и Он...

...наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной.

В третьих — понеси благую весть Евангелия плачущим и рыдающим:

Выходи к воротам
И фонарь пред собою носи
Хоть погибни ты сам —
Но того, кто взывает, спаси!

Но ты не погибнешь от страдания, а сам согреешься им и через него углубишь благороднейшую сторону твоей человеческой природы — твоё сердце.

Два брата ехали в санях в трескучий мороз. На пути они увидели

скорчившегося у дороги замерзающего человека. «Пойдём к нему, поможем». — «Как бы не так это, чтобы самим замёрзнуть!» Тогда первый вылез из саней и сал растирать несчастного. Долго он трудился, но от этого согрелся и сам. Когда же он вернулся к саням, он увидел, что брат его мёртв...

Практическое сострадание есть путь к разрешению и философской стороны поставленного вопроса. Одна студентка рассказывала, что «капля милосердия», оказанного ею ближнему, внутренне разрешила ей много трудных вопросов. Ибо любовь есть источник знания, а не наоборот. «Кто любит Бога, тому дано знание от Него»,— так учит Новый Завет.

Любовь к страждущему человеку ведёт к откровению не только смысла страдания, но и смысла жизни вообще. Ибо в чём ином может прежде всего заключаться смысл жизни человека, как не в человечности?

*Любовью моя осветилась душа,—
И жизнь в красоте мне предстала,*

так говорит русская романтика. В то время, как рассудок тщетно усиливается понять жизнь — ЛЮБОВЬ вводит человека в жизнь, полную смысла, в свете которого становится ясным и смысл страдания.

Дух самоотречения

Божественная способность к самопожертвованию есть особенное свойство души, которое рождается в ней от воздействия на неё Духа Святого.

Описать её нет возможности: словами можно передать лишь малое представление о ней.

I

Истинное самоотречение отличается безгласностью. Человек самоотверженный, страдающий, не выказывает этого перед людьми. Слезы его — слёзы сердечные. Он будет выносить толчки, брань, не воздавая за них ни ударами, ни бранью, ни угрозами.

II

Дух самоотречения неразделим с духом покорности. С беспредельной любовью к Богу человек спокойно подписывает себе смерт-

ный приговор. Пусть лишают его всяких, даже маленьких преимуществ и безвредных земных утех, пусть разбивают его радужные надежды, дружеские связи; он при этом не перестанет быть преданным Богу и не утрачивает своего спокойствия.

III

Он относится к скорбям, как к обыкновенной пище своей. Суровый крест, который столько христиан пугает, он несёт с кроткой внутренней радостью, потому что он знает, что все страдания его содействуют возрастанию в нём любви. То, чего другие христиане избегают, как тягостного и страшного, охотно принимает, как нечто такое, что сближает его с Богом. Он жаждет только одного; иметь больше любви. Он охотно умирает снова и снова, чтобы жить ещё полнее во Христе. Он любит своих врагов нелицемерной любовью. Самоотверженный человек непреодолимо жаждет пришествия Господа, жаждет «облечься» славою. Он согласен был бы обходиться без всяких житейских благ и преимуществ, даже отказаться от всего телесного, если бы пища, сон и одежда не были бы необходимы для жизни тела и подкрепления его.

IV

Он не относит к себе похвалы людей и не употребляет их себе на пользу. Если ему когда-либо оказывается почеть, он всегда приносит то Господу, вместо того, чтобы самому этой почестью воспользоваться. Его величайшее наслаждение погружаться в Бога, а самому умиляться. Он имеет потребность смиряться перед Богом и людьми.

V

Он предупредителен и скромнен. Он скорее принял бы на себя скорби других, чем лишил их радости их. Он имеет чудное внутреннее представление о личности Иисуса и так поглощён Божественной красотой жизни Христовой, что даже всё самое лучшее и почётное земное не имеет никакой прелести для него.

Человек, только что вступивший на путь освящения, переживает лишь первоначальное действие этого духа самоотречения, которое должно затем всё расти в нём и усиливаться до тех пор, пока «распятие плоти своей и отречение от всего, что её поработывает, не сделается его второй природой». Человеку, находящемуся в таком состоянии, врата небесные открываются без прикосновения к ним... Когда в человеке силен дух самоотречения, тогда враги его превращаются в друзей, и сердца грешников бывают растроганы. Это тот дух, который посрамляет диавола и делает душу человека драгоценной для Господа.

Труженикам

*Как много тружеников скромных
На ниве трудятся святой;
Их незаметный труд огромен,
Порыв их ясен неземной.*

*Они не ищут счастья дыма,
Земную радость не берут;
Их не прельстит покоя тина,
Они себя не берегут.*

*Они всегда страдать готовы,
Свой крест безропотно неся:
Отец и мать им — Божье Слово.
Их ненавидят, им грозят.*

*Но взор их чист и дело право.
Они затем и рождены,
Чтоб быть частицей Бога славы,
Чтоб люди были спасены.*

*Их не поймут, как и доселе
Не понимают тех людей,
Кто счастья для других хотели,
Но не для корысти своей.*

*Пускай они сейчас гонимы
За свой небесный идеал,
Зато Христос повсюду с ними
В минуте каждой пребывал.*

*Пусть их огонь не угасает,
Святое дело их живёт,
Других на подвиг окрыляет
И силу помощи даёт.*

*За этих тружеников скромных,
За неугасность их огня,
За незаметный труд огромный
Всегда молиться буду я.*

Аминь.

Простая проповедь для ищущих Бога

Сперджен

(окончание)

II. Второй пункт заключает в себе опровержение. Необходимо опровергнуть некоторые ошибочные представления о спасении. Мною избранный текст говорит: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется».

Тексту этому противоречит один из существующих взглядов, а именно что служитель Божий должен участвовать в спасении человека. Мысль эта очень распространена вообще. Многие думают, что спасение может совершиться только неизъяснимым, таинственным путём, и что служитель Божий должен непременно участвовать в нём. Знайте, что если б вы никогда в жизни даже и не видели служителя церкви; если бы вы никогда не слышали даже голоса его, но призвали бы имя Господне,— ваше спасение было бы так же несомненно, как если б вы слышали проповедь. Конечно, люди не могут призывать Бога, Которого они не знают: проповедник необходим для указания пути спасения потому что «Как призывать Того, в Кого не уверовали? Как верить в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедующего?» Но этим служение проповедника и ограничивается: он только призван возвещать истину; когда мы это сделали, начинается в сердце человека работа Духа Святого; наше же дело — кончено. Весь народ Божий — «священство» Божье; все мы становимся «священниками» Божьими, если мы имеем помазание Духа Святого и получили спасение. Вы все также призваны возвещать Евангелие Христово, если Дух Божий вам его открыл. Мы все призваны говорить о том, во что уверовали, и Сам Бог повелевает нам передавать другим открытое нам Духом Святым свидетельство об истине. Но, братья, помочь вам спастись не может ни Апостол Павел, ни ангел с неба, ни Аполлос, ни Кифа. Спасение исходит не от людей; все мы,— каждый из нас,— должны идти к Источнику жизни, ссылаясь на обетование: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Если б я работал в рудниках Сибири, или был в глубине Африки, или на необитаемом острове, где не было мне случая слышать Евангелие, и если бы я там призвал имя Христа,— путь спасения был бы для меня точно так же открыт; и также светлая стезя повела бы меня к небу, как если бы я взывал к Богу из светлого храма или из прекрасного зала, куда люди собираются для молитвы

и прославления Господа. В служителях Божьих, в проповедниках, христиане нуждаются для назидания, а не для спасения; не на проповедника должны они возлагать упование: Слово Божье должно привлекать их хотя и «прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!»

Другое, весьма распространённое заблуждение заключается в том, что люди верят в значение снов. Некоторые говорят, что если человек во сне увидит Господа — значит он получит спасение; если увидеть во сне Христа, распятого на кресте, или ангелов, если Бог во сне вам скажет: «Ты прощён», — вы обрели спасение. Если же вы видите сон дурной — вы не можете быть спасены. Многие думают так! Но в таком случае, нам следовало бы прибегать к опиуму, дающему столь дивные сновидения!.. Пусть бы все проповедники раздавали направо и налево опиум, и он привёл бы всех на небо... Всё это — сплошное заблуждение. Как могут быть орудиями спасения сны, эти бессвязные грёзы, так часто совершенно бессмысленные? Вот ответ одного проповедника, когда одна женщина ему сказала, что уверена, что спасена, так как она это видела во сне: «Вот что, моя милая: приятно, что вы видите чудные вещи, когда спите; но мне важно видеть, как вы поступаете наяву; потому что, если ваше поведение, когда вы бодрствуете, не согласно с заповедями Божьими, — я не дам ни гроша за все ваши сны». Когда мне приходилось выслушивать нелепые толкования снов, я только поражался невежеством людей: эти бедные мечтатели видели во сне двери неба отверстыми, видели, что ангел сходил к ним оттуда и очищал их грехи; они, затем, видели во сне, что они получили прощение грехов; и с тех пор они больше не сомневались в своём спасении... Но теперь настало время они должны начать сомневаться. Давно пора! Если в этом заключается вся их надежда, — какая же она жалкая! Помните, что сказано: «Всякий, призывающий имя Господне», а не «всякий видящий Его во сне»... Сны могут быть полезны: иногда сны обличали людей, и в этом смысле приносили им пользу; других — сны повергали в тревогу... но верить снам то же, что верить тени, строить воздушные замки, разрушить которые может одно дуновение ветра. Помните, что вам нужны не видения, не явления призраков. Если ты видел сон, — не пренебрегай им: он может принести тебе пользу; но не верь ему. Если же ты снов не видел, помни, что обетование дано призывающему имя Господне.

Существуют ещё и другие люди: над верою в сны они смеются, а сами, в своём роде, тоже суеверны; они воображают, что необходимо иметь какие-то особенные чувства, без которых спасение невозможно. Одна женщина просила меня принять её в число членов Церкви. Я спросил, получила ли она «новое сердце»? Она ответила: «О, да, оно очень изменилось: я чувствую себя так хорошо; и когда я однажды молилась, — не знаю почему я почувствовала себя особенно легко». — «Да, — сказал я, — вы себя легко почувствовали...

но я боюсь, что всё это было только воображение и больше ничего». Добрая женщина чистосердечно думала, что получила нечто свыше... а это было, вероятно, просто какое-нибудь чисто физическое ощущение... «Ну, нет,— слышу я возражение,— люди не так глупы...» Уверяю вас, что если бы вы могли читать в сердцах, вы увидели бы, что сотни людей не имеют лучшей надежды на спасение, как только своё какое-то вот такое смутное «чувство»!

«Гуляя в саду,— сказал мне однажды один человек,— я подумал, что конечно, Христос может снять с меня грехи мои также легко, как рассеять вот эти тучи на небе. И что же? Через две-три минуты тучи действительно рассеялись и солнце засияло. Тогда я понял, что Господь изгладил грех мой...» Вот какой странный был у него тон мыслей! И подобное я встречал часто. Всевозможные мелочи, случающиеся на земле, люди считают за проявление благодати Божьей в сердцах их...

Что касается до меня, то мне хотелось бы всегда иметь в душе только одно: я хочу чувствовать, что я — грешник и что Христос — Спаситель мой. Только это одно, и ничего больше. Довольствуйтесь, если хотите, вашими видениями, вашими упоительными восторгами: мне же не надо никакого другого «чувства», кроме глубокого раскаяния и смиренной веры.

Грешник! Если в душе твоей есть эти чувства, то ты — спасённый человек. Зачем думать, что перед получением спасения необходимо испытать действие какого-то точно электрического тока, чего-то чудесного, что потрясает тебя с ног до головы? Вникни в слова: «...Близко к тебе слово сие; оно в устах твоих и в сердце твоём...» (Втор. 30, 14), то есть слово веры, которое мы проповедуем. «Ибо, если устами твоими ты будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать... то спасешься» (Рим. 10, 9). К чему все эти сны и сверхъестественные явления? От человека только требуется одно: чтобы он, как виновный пред Богом грешник, пришёл и пал к ногам Иисуса. А когда это он сделает,— душа его войдёт в такой глубокий покой, какого никакие «видения» в мире не дадут ему!

И ещё одно заблуждение, которое хочется мне рассеять: люди бедные и необразованные часто думают, что спасение, так или иначе, связано с умением читать и писать!.. Читатель мой улыбается?.. Но уверяю вас, что это так. Часто бедные женщины говорили мне: «Это не для меня, тёмного человека! Для меня нет надежды, я не умею читать. Подумайте: ведь ни одной буквы я не знаю! Мне кажется,— умею я читать, я получила бы спасение; но теперь я даже и понять ничего не могу как следует!..» Много таких людей я встречал... хотя,— будь сказано мимоходом,— все они отлично могли бы выучиться грамоте, если бы только захотели: но им просто лень!.. И вот — они продолжают оставаться холодно равнодушными к вопросу о спасении, говоря, что проповедникам, или вообще образованным людям легко спастись, потому что они люди учёные; но что им, тёмным людям, это не дано. Им можно возра-

зять одно: не надо много знать, чтобы попасть в Царствие Небесное. Конечно, я советую каждому человеку учиться всему, чему только возможно; никогда не надо упускать случая приобрести полезное знание. Но относительно пути в Царство Небесное сказано: «Идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся» (Ис. 35, 8). Если мы чувствуем, что преступили заповеди Божьи, что не соблюдали дня воскресного, что употребляли всуе имя Господа, не любили ближнего, как самого себя, а Бога — всем сердцем,— если мы всё это сознаем,— будем одновременно помнить и то, что Христос за таких именно людей и умер; Он умер на кресте, был наказан за грехи наши, и велит нам этому верить. Если мы хотим узнать об этом больше, пойдём в дом Божий и будем слушать тех, кто объясняет Слово Божье и может разрешить наши недоумённые вопросы; но надо иметь в виду, что для того, чтобы попасть на небо, нам довольно знать всего две истины: грех и Спасителя.

Читатель, чувствуешь ли ты грех свой? Христос — Спаситель твой; уповай на Него, молись Ему; и, так же верно, как то, что мы с тобою теперь живём — ты войдёшь в Царство Небесное!

Я научу тебя молиться двумя молитвами. Прежде всего возноси Богу вот какую молитву: «Господи, дай мне видеть самого себя; раскрой предо мною моё собственное сердце, покажи мне мою вину, покажи мне опасность, в которой я нахожусь!» А после этой молитвы и когда ты уже получил ответ на неё, то есть ясно увидал всё это, что таится в душе твоей,— молись другою молитвою: «Боже, яви мне Себя Самого! Покажи мне Твою работу в сердце моём, Твою благодать, Твою любовь, Твой крест, Твою благодать». Возноси Богу эти молитвы,— и их будет тебе достаточно, чтобы войти в общение с Ним.

«Господи, дай мне видеть самого себя».

«Господи, яви мне Себя Самого!»

Для этого тебе не надо никакой науки. Не надо ни уметь читать, ни знать иностранные языки или математику, чтобы войти в Царствие Небесное: люди самые простые и немудрые легко могут подойти к Голгофе и получить спасение.

Я так долго остановился на этих заблуждениях, потому что они особенно часто встречаются. Читатели мои! Вникните ещё раз в слово Господа: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся!» Восьмидесятилетний старик и восьмилетний ребёнок, юноша и молодая девушка, богатый, бедный, образованный, неграмотный — ко всем вам относится это слово; оно сказано всякому (никто не исключён): «Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся!»

III. Теперь мне остаётся только обратиться к вам с увещанием. Оно заключается в просьбе, во имя Бога,— поверить слову, которое я вам сегодня возвещаю. Но не отвращайтесь от него, не пренебрегайте им на

том основании, что я говорю так просто, словами понятными для каждого. «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Поверьте этому! Разве трудно поверить? Богу Всемогущему ведь всё возможно! Быть может вы скажете: «Я слишком виноват перед Богом; я не могу себе представить, что Бог меня спасет». Вникните в слово Бога: «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои... но, как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших...» (Ис. 55, 8—9). Ты продолжаешь сомневаться и говоришь: «Пусть так. Но это ко мне не относится. Я совсем погряз во всяких мирских заботах и нечистоте... Как Бог меня спасет?!» Слушайте! Ведь Он говорит: «Всякий!» — Дверь широко открыта, и великие грешники входят через неё. Если Он говорит: «всякий», значит, и ты тоже, только призови имя Его,— в этом вся суть. В заключение я хочу ещё несколькими доводами убедить вас поверить истине. Доводы эти будут взяты из Священного Писания. Да сделает Господь их благословением для вас!

Грешник! Если ты призовёшь имя Господне, ты спасёшься. Прежде всего ты спасёшься, потому что ты избран на это. Никто не может признать Христа Господом, если он не принадлежит к числу избранных. Учение об «избрании», повергающее многих в недоумение и внушающее им страх, в сущности,— очень просто: если ты веришь — ты избран; если ты призываешь имя Христа,— ты избран; если ты признаёшь себя грешником и возлагаешь своё упование только на Христа,— ты избран. Избранные же дети Божьи должны спастись; гибель для них не существует. Бог predeterminedил их к жизни вечной; они не погибнут вовек, и никто не вырвет их из руки Христа — Бог избирает людей не для того, чтобы их затем отвергнуть.

Итак, ты избранный Божий, иначе ты не мог бы призвать имя Господне; твоё избрание заставляет тебя призывать имя Господне; тем, что ты призываешь — ты доказываешь, что ты избранный Его. И ни смерть, ни ад не изгладят твоего имени из книги Его. Это — непреложное решение Всемогущего; воля Бога непременно исполнится. Избранные Его должны спастись. Сильною мышцею Своею Он выведет на свободу народ Свой. Ты принадлежишь к этому народу. В конце концов, ты будешь созерцать лучезарный лик Его в вечной славе; потому что ты избранный Его.

Привожу и второй довод: если ты призываешь имя Господне, ты спасёшься, потому что ты искуплен. Христос искупил тебя; Он за тебя заплатил, пострадав на Голгофе; гнев Божий тебя уже не постигнет. Ты искупленный Божий. Ты — уже Христов, хотя ещё и не чувствуешь утешения и успокоения от этого. Ещё раньше того, что Он произнёс своё торжественное: «совершилось»,— Он обещал благоволение Своё искупленным Кровию Его: как искупленный ты не погибнешь. Как бы ни велика была си-

ла зла, она не победит душу искупленную. Нельзя себе представить того, чтобы Христос пострадал за человека, и чтобы всё-таки, несмотря на это, человек был наказан. Если Христос знал место человека и понёс на Себе наказание его — не может человек быть снова наказан! То, что ты призываешь имя Господне, это доказывает, что Христос внёс за тебя выкуп. И потому — радуйся. Если Христос был наказан, правосудие Божье больше уже ничего не требует. Пади же к ногам Спасителя со словами: «Благословенный Иисус! Ты понёс наказание моё! Мщение Божие больше не грозит мне. Господи! Гнев, который я заслужил, пал на Сына Твоего. Он освободил меня от наказания, которого требовало правосудие Твоё». Поэтому, братья, если вы призываёте имя Христа, если вы молитесь и веруете,— вы не можете сомневаться в своём спасении: вы искуплены, а искупленные погибнуть не могут.

Есть у меня и ещё один довод. Верь и ещё одному слову Христа: «У Отца Моего обителей много». Одна из этих обителей — для тебя. Христос раньше создания мира приготовил «обитель» и «венец» для всех верующих. Приди же к Христу, ты, призывающий имя Его! Думаешь ли ты, что Христос приготовит обитель — и не введёт туда того, для кого она предназначена? Он приготовил венцы и неужели же затем растеряет людей, которым они должны принадлежать? Никогда! Не унывай: те, которые верят — узрят Бога!

О, дай Бог, чтобы читающие поверили обетованию этому! Где вы?.. В каких вы местах земного шара? Кто вы? Вдумались ли вы хорошенько в то, что сейчас прочли? Сознаёте ли вы грехи свои? Оплакиваете ли вы их в глубине души?

Ухватитесь за обетование: «Всякий» (чуждое слово!) — «Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся». Скажите себе это. Голос той злой силы, которая проникает в душу каждого из нас, шепчет: «Бесполезно тебе призывать это имя: ты ведь пьяница, ты — весь в грехах». Ответь ему: «Сказано: "всякий"». — «Быть этого не может»,— опять звучит голос врага: — Никогда не ходил ты слушать проповеди; почти никогда и о Боге не вспомнишь; целых десять лет не был в доме Божьем...» Возрази ему и на это одним и тем же самым словом: «Всякий». — «Нет,— говорит голос: — Вспомни, как ты согрешил ещё вчера и в каком греховном настроении начал сегодня читать эту статью». Не слушай ничего. Скажи: «Отойди от меня сатана. Лжёшь ты! Призывая имя Господне, не могу я погибнуть».

Твёрдо знай, человек: каковы бы ни были твои грехи,— в мыслях, слове и деле — Кровь Иисуса Христа может очистить от всякого греха. Да запечатлеет же Дух Божий в глубине сердца твоего это великое слово: «Всякий, кто призовет имя Господне, СПАСЁТСЯ!» Аминь.

Из жизни

(рассказ)

В 1954 году мне пришлось побывать в городе К. Здесь я посетил дом одного брата. Придя к нему, не застал его дома. В квартире была женщина на лет 42—45. Обменявшись христианским приветствием — «Мир вам» — «С миром принимаем», я был приглашён в комнату. Встретившую меня женщину вначале принял за хозяйку, но потом выяснилось, что она пришла в дом брата посетить его. Это была жительница того же города, сестра по имени Н.

Я взял висевшую на стене гитару и под аккомпанемент запел псалом:

Ты мне будь, Господь, отрада
На путях земных скорбей.
Будь Спаситель мой от ада,
Искушений и страстей...

Сестра, слушая пение с сокрушением и слезами, сказала: «Я впервые слышу пение этого гимна, как приятны эти слова моему сердцу».

Я осмелился и спросил её: «Дорогая сестра, если пение так приятно для твоей души, то о чём же ты так сокрушаешься?»

Её глаза выражали столько скорби, столько много пережитого горя. Тяжело вздохнув, немного волнуясь, сестра просто ответила: «Я уже много прожила, но годы моей жизни прошли напрасно,— немного помолчав, она продолжала,— я жила без Бога, я не хотела даже знать о Нём, я была чужда Ему. Но теперь я радуюсь, что Он мой Бог. Как жалею я ушедшее время. Почему я не обратилась к Нему раньше? Мой муж погиб грешником, да и сын мой, единственный; о... какой он... — он тоже наследник гибели»,— сказав это, она горько заплакала. Это были слёзы большого горя, о погибшем навеки муже и о погибающем сыне.

Нельзя было остаться равнодушным, видя эту убитую горем женщину. Я пригласил её к молитве, и мы вместе принесли всё это горе нашему Утешителю, Который не замедлил успокоить сокрушённое сердце.

После молитвы сестра облегчённо сказала: «Душа моя наполнилась каким-то приятным чудным миром, и этот мир дан мне с небес. Желает ли, я расскажу тебе, как Господь отыскал меня?!» Я с удовольствием согласился выслушать её.

«Я живу в этом городе давно. По национальности — татарка. Муж

мой занимал высокий пост на работе и был известен многим; и есть ещё сын. Годы войны, это годы бедствий и страданий для многих людей, но наша семья была обеспечена и в начале войны мы не нуждались. Пришла очередь и моему мужу идти в армию, на фронт. Все запасы быстро истощились, многие ценные вещи я меняла на продукты питания. Только теперь я увидела нужду и устроилась на работу. Прошло немного времени и я получила трагическую весть,— муж мой погиб на фронте. Этого я никогда не ожидала: я была беспечна и уверена в благополучии своей жизни.

Вскоре я получила новую потрясающую весть: мой семнадцатилетний сын оказался соучастником в убийстве и грабеже, и привлечён к суду. На работе с этого момента стали смотреть на меня с презрением. Я видела, что бывшие достоинства мужа и его высокий чин больше не служили опорой. Сын был осуждён на десять лет. Пробыв недолгое время в тюрьме, он бежал и совершив снова грабёж с убийством, вновь был осуждён на 25 лет. Это событие окончательно потрясло меня. На работе мне больше не доверяли, я была уволена. В прошлом пользующаяся уважением людей, теперь я стала презираемой ими. Я готова была выполнять любую работу, лишь бы иметь пропитание. Годы шли. Дни беззаботной жизни давно пролетели, и я стала размышлять, почему всё это со мной случилось, за какой грех?

И вспомнила, что моя покойная мать говорила: "Дочка, не забудь, по смерти моей ежегодно приноси жертву Аллаху. Будешь это делать,— будешь счастлива". Со времени смерти матери прошло 12 лет, и я ни разу не вспомнила об этом завещании матери. Желая теперь исполнить это, я разыскала муллу, открыла ему свою нужду.

Он мне ответил, что для того чтобы загладилась мои грехи за 12 лет, я должна принести в жертву 12 агнцев или деньги — цену этих агнцев. Это убило во мне веру в помощь Аллаха. У меня не было средств даже на день жизни, и я решила покончить с собой. Я поняла, что мулла требовал от меня невозможного, и что всё это обман. Убитая горем, рыдая, я шла домой.

В это время поравнявшаяся со мною женщина спросила, о чём я так плачу. Я всё рассказала ей. Она мне рассказала, что есть Тот, Который без жертвоприношений даёт прощение грехов, Утешитель и предложила мне пойти послушать Его слово. Я согласилась. В этот вечер я была первый раз на каком-то удивительном собрании, здесь для меня всё было новым, страшным и непонятным и в то же время у меня появилось желание узнать, что это за люди, какому Богу служат? Собрание закончилось и меня приглашали ещё приходить; я не возражала.

Возвратившись домой, предо мною предстал весь кошмар пере-

житых событий за этот день,— посещение муллы и его явный обман, собрание, где я была и недоверие к услышанным словам о спасении только через какого-то Христа. Я не знала, что делать. Я плакала о муже, о сыне-бандите, опозорившем меня, о вине перед покойной матерью. Я искала выход.

И вот мне подаётся какой-то внушительный совет: "Ты должна покинуть жизнь самоубийством". И я решила утопиться. Придя на крутой берег реки, осмотрев место, откуда броситься вниз, я приготовилась. Но... какой-то страх напал на меня. Я брошусь в реку, а если кто увидит меня и спасёт? Тогда для меня будет ужаснейший позор. И я не решилась. Придя домой, я решила исполнить замысел. Наточила нож, закрывшись в квартире, наставила его напротив сердца и думаю... "удар и всё кончено". Но что за страх, не о смерти, а о позоре. А если нож не попадёт в сердце, я буду тяжело ранена, меня спасут, тогда какой разговор будет обо мне в народе?! "Нет,— сказала себе,— не могу я это сделать. Лучше использую более надёжное. Прикреплю к потолку тонкую верёвку и удавлюсь". Всё приготовила, встала на табуретку,— буду в петле, спасения уже не будет. А в этот миг явилась мысль: "А вдруг верёвка не выдержит, тогда... о позор, позор! Какой ужас! Что делать? — вскричала я,— жить не могу, не хочу, где спасенье, есть ли оно?" Помню с воплем соскочила с табуретки: "Господи, если Ты есть, то спаси меня, я гибну, не знаю, как быть?!" И я упала, что происходило со мной, я не знаю.

Только хорошо помню, что наутро, как бы очнувшись не то от сна, не то от какого-то забвения, почему-то оказалась склонённой на коленях у своей кровати. Лучи раннего солнца освещали меня, мою комнату, в моём сердце появилось какое-то утешение, слёзы умиления текли по моему лицу и я одно произносила: "Господь Спаситель мой!" Да, теперь Он мой Спаситель: не дал погибнуть моей душе. Я, встав с колен, пошла снова искать эту милую женщину, которую встречала по дороге. Пришла в дом, где была раньше, а в нём были друзья Иисуса, которые возносили молитвы за погибающих.

Здесь я встретила её — эту дорогую вестницу спасения, рассказала ей всё, что со мной было за это время и теперь новые друзья во Христе, выслушав меня, воздали хвалу Богу за моё спасение.

Но я не знаю, где мой сын. Мне очень жалко его и как бы я хотела, чтобы и он пришёл к Иисусу, ведь Иисус принимает всех, кто только желает к Нему прийти и с Ним быть».

На этом моя собеседница окончила свой рассказ. Мы принесли благодарность Господу за Его беспредельную милость. За то, что Он и сегодня близок к сокрушённым сердцем, слышит их вопль и спасает их.

Для чего?

Для чего ты живёшь и страдаешь
Там, где мрак и несчастье вокруг;
Что ты ищешь, о чём воздыхаешь,
Где же цель твоей жизни, мой друг?
Для чего твоё сердце стремится
К суете и утехам земным
Разве может твой дух обновиться
Там, где нет места чувствам святым?
Для чего, друг мой, ищешь забвенья,
Ты предавшись греховным делам;
Вспомни, ты ведь венец есть творенья...
Твоё сердце есть — Господа храм!
Для чего же твой дух угнетённый
Обречён здесь во мраке блуждать,—
Неужели грехом изнурённый
Ты не хочешь связь с миром порвать?
Для чего, друг, ушёл ты от Бога?
Разве мало Он благ тебе дал?
Неужели то лучше дорога,
Ты которую ныне избрал?
Для чего ты презрел все даянья
И Голгофскую жертву и мир,
Для чего ты воздвигнул преданья,
Для чего сотворил ты кумир?
Для чего приходил Искупитель
И зачем Он так тяжко страдал,—
О, ужель для того, чтоб ты снова
Князю мира сего угождал...
Нет, Он хочет открыть твои очи,
Хочет сердце любовью согреть,
Хочет Он, чтобы в сумраке ночи
Мог ты светом великим гореть!
Хочет Он, чтоб разумно здесь в мире
Дни свои ты, мой друг, проводил,
Чтоб сердечная дверь твоя шире
Приоткрылась для Господа сил!

Аминь.

Покаяние

Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра; и Петр... вышед вон, горько заплакал. Лук. 22, 61—62

Нет человека, который не согрешил бы в своей жизни. Большинство людей грешат много раз, и только немногие согрешают редко. И чем сознательнее и внимательнее относится человек к своей жизни, тем больше он находит в себе недостатков, тем чаще несется к Господу его молитва покаяния.

Все мы содрогались, читая историю грехопадения Петра. Все мы с замурением сердца следили затем, как сгущалась вокруг него атмосфера; мы чувствовали к нему неосознанную симпатию, потому что в его истории находили очень много сходного с тем, что часто происходит с нами. Следя за печальным ходом его падения, мы видим, что до сих пор этим же самым избитым путем идет ко греху всякая человеческая душа.

Как Петр мог спать в саду, когда он должен был бодрствовать, молиться? А разве падения многих из нас произошли не по этой же причине? А разве многие из нас не поступили бы подобно Петру и не последовали бы издали за Христом вместо того, чтобы идти рядом с Учителем? Мы все слишком хорошо знаем, что значит иногда отойти от Христа, поэтому мы не стали бы расспрашивать Петра, почему он вместе с другими грелся у костра. Кому известно, как вероломно человеческое сердце, тот не станет удивляться, что человек, так долго живший со Христом, видевший все Его чудеса, удостоившийся в числе избранных узреть славу Преображения, мог отречься от своего Господа. Отречься и клясться в присутствии Господа, когда в ушах его, кажется, еще звучали торжественные слова, когда-либо слышанные людьми; когда сердце его было согрето воспоминанием о Тайной вечере; когда на его устах еще не высохло вино причащения! Увы! Подобные вещи не чужды всем, кто принимает участие в ужасной трагедии греха.

Но в жизни Петра есть факт еще более великий, хотя менее известный, чем его грех,— это его раскаяние. Все люди заодно с Петром в его грехах, но не все разделяют его покаяние. Петр грешник — это один человек, а кающийся Петр — совсем иной человек; многие, сопровождавшие его на избитом пути ко греху, предоставили ему идти в одиночестве на слезной стезе покаяния. Тем не менее, истинный урок жизни Петра — это урок покаяния. Его грехопадение для нас мало поучительно, но его покаяние является великим уроком для спасения тех, кто, подобно ему, сознал, что согрешил.

Краткие слова, составляющие трогательное описание покаяния, включают в себе материал для анализа наиболее редкой и непонятной благодати в духовном опыте. Эти две простые фразы включают в себе тайну некоторых, наиболее важных, духовных законов. Мы находим в них четыре характеристики покаяния.

1. Божественность покаяния. Оно исходит от Господа. Обратился не Петр, но «Господь, обратившись, взглянул на Петра».

2. Сильная чувствительность. Достаточно было одного взгляда. «Господь взглянул на Петра».

3. Интенсивность. «Петр, вышед вон, горько заплакал».

4. Одиночество. «Петр, вышед вон», в темноту, чтобы быть наедине со своим грехом и Господом.

Вот главные черты истинного покаянного состояния сердца, когда в нем действует Божественная сила.

Начнем с первой из них. Мы видим, что начало этого удивительного опыта исходит от Господа. Обратился не Петр, но Господь, обратившись, посмотрел на Петра. Быть может, пение петуха и заставило его опомниться. Но в момент совершения греха мысль грешника далека от раскаяния. И Петр не подумал обернуться, но обернулся к нему Господь, и когда он готов был смотреть куда угодно, только не на Господа, Господь посмотрел на него. И этот едва упомянутый факт, что Господь обратился первым, заключает в себе великий урок для каждого согрешающего.

Это говорит о том, что существует два рода сокрушения о грехе, различающиеся и по происхождению, и по религиозной ценности, и по влиянию на нашу жизнь. Обычное покаяние состоит в том, что человек, поступивший дурно, сожалеет об этом. Нам кажется, что сожаление служит своего рода гарантией, что мы не совершим такого же поступка в другой раз. Мы стараемся видеть в этом доказательство того, что мы не так уж плохи, поскольку восстаем против греха. В этом чувстве стыда и сожаления, так непосредственно следующем за грехом, мы видим известное заглаживающее обстоятельство, некоторое искупление сделанного зла. Такое сокрушение хорошо известно всем борющимся со грехом. Люди жаждут этого чувства, потому что оно дает облегчение сокрушенному сердцу и делает более горячей молитву покаяния.

Но тем и ужасна эта истина, что в подобном состоянии души нет никакой религии и нет истинного покаяния. Может быть, нет даже и намека на раскаяние!

Для большинства людей это ощущение стыда и сожаления и есть все, что они чувствуют. Но это состояние вовсе не настоящее сокрушение о грехе. Это только задетое самолюбие. Это огорчение при мысли, что мы оказались слишком слабыми перед грехом. Мы считали себя сильными, но когда пришло испытание, то с огорчением увидели себя побежденными. Вот это-то огорчение мы ошибочно прини-

маем за покаяние. Но это покаяние — не дар Божественной благодати, это просто оскорбленная гордость, печаль, что мы не поступили лучше, что мы оказались во все не такими хорошими, какими нас считали наши ближние, да и мы сами. Это именно то, как если бы Петр обернулся и посмотрел на самого себя и увидел бы ясно — какое слабое, какое жалкое существо этот Петр! Быть может, Петр заплакал так же горько, если бы Господь и не посмотрел на него, но заплакал не потому, что согрешил против Господа, а потому, что он, великий Апостол, поддался слабости, оказался таким же немощным, как и прочие люди.

Хотя мы и считаем приливы уныния, находящие на нас по совершении греха, известным этапом раскаяния и даже искупающим обстоятельством, которое Господь, наверное, примет во внимание, но часто это уныние — не что иное, как только раздражение и досада на самого себя за то, что, несмотря на все добрые решения и попытки переделать себя, мы снова сошли с прямого пути.

Сравните это покаяние с молитвой покаяния мытаря в храме. В нем не было ни досады, ни оскорбительной гордости. Читая об этом, мы чувствуем, что Господь не мог не обернуться и не посмотреть на мытаря, когда тот взывал к Нему: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» Как будто Господь стоял перед ним. Удрученный своей виной перед Господом, этот мытарь мало думал о потерянном самоуважении; он не чувствовал никакого стыда признать себя преступником и научиться истинному божественному покаянию.

Теперь сразу видно, что разница между покаянием мытаря и вышеописанным сокрушением о грехе — это разница между человеческим и божественным. Господь, обращающийся к человеку и глядящий на него,— это одно, и совсем другое — человек, глядящий на самого себя.

Нет ничего дурного в том, что человек обращает на себя свой взор, но тут таится опасность! Опасность в том, что человек может ложно понять то, что он видит и чувствует. А он чувствует огорчение, досаду скульптора за неудачный удар резца, горе артиста, испортившего грубым прикосновением работу целой недели.

Даже не верующие в Бога люди могут испытывать некоторое огорчение, когда поступают дурно. Без сомнения, жизнь — это произведение искусства — выработка характера. Культура души — это высший род искусства, и было бы действительно странно, если бы все неудачи проходили незаметными для человеческого ума. Не было бы большой беды, если бы они проходили незамеченными умом; беда в том, что они проходят часто незамеченными душой. Известного рода раскаяние пробуждается в обоих случаях, но в одном оно духовное, а в другом — чисто артистическое. В последнем случае опасность особенно сильна, особенно неуловима, потому — чем выше характер, тем больше в нем чисто артистического раскаяния.

В результате самолюбие заменяет собой подлинный опыт жизни, принимает его вид и обращает многие величайшие случаи покаяния в недостойную службу гордости. Истинный же опыт является трогательным уроком для чело-

веческой беспомощности; он указывает, как Господь приходит на помощь к человеку во всех случаях жизни, как Рука, дающая ему прощение, сама же направляет его к покаянию.

Взгляд Божий, направленный на лицо грешника, вносит христианский элемент в человеческую скорь. И, составляя христианский словарь, Апостол Павел должен был создать новое слово, которое было чуждо всем философам того времени и которое чуждо и теперешним. Именно он поведал нам о печали ради Бога (2 Кор. 7, 10), обладающей дивной силой творить покаяние, в котором не придется раскаиваться. И эта новая священная скорь пробуждается в людях, когда Господь обращается и смотрит на их жизнь. Это она прибавляет покаянный фимиам к жертве сокрушенного и смиренного сердца. Именно это великое различие отмечает евангелист Лука в жизни блудного сына между тем моментом, когда он пришел в себя и когда пришел он к отцу. «Пришед же в себя,— говорит он,— пошел к отцу своему». Мы также всегда приходим в себя и, подобно блудному сыну, сознаем свое недостойное поведение. Но мы можем исправить и искупить свои ошибки только придя к нашему Отцу.

Теперь мы переходим к чувствительности покаяния, или, скорее быть может, к чувствительности кающейся человеческой души. Господь, обратившись, посмотрел на Петра. Нет в мире ничего более чувствительней, чем человеческая душа, когда она пробуждена божественным прикосновением. Люди редко способны оценить тонкую красоту и нежность сердца грешника. Мы стараемся подействовать на него жесткими словами, употребляем грубые и суровые средства, чтобы пробудить его к жизни. И когда это не действует на него, мы обращаемся к еще более жестким и тяжелым орудиям, к еще более жестким словам, не понимая, что душа слишком тонка и нежна, чтобы на нее могли подействовать такие тупые орудия. Ткани тела достаточно грубы, чтобы на них могли действовать удары; существует грубость и в человеческой природе, на которую действуют угрозы; но душа тонка, как дыхание, и, несмотря на нищету, жестокость, грех, сохраняет дивную нежность, что указывает на ее близость к Духу Божьему, даровавшему ей дыхание жизни.

Быть может, Петр был самым грубым из всех учеников Христа. Мы представляем его себе крепко сложенным, загорелым рыбаком, порывистым, сильным, бесстрашным, вспыльчивым, готовым клясться и божиться, как мы это видели, одним словом — дикарем, из которого мог бы выйти великий грешник, если бы Господь не сделал его великим святым. Но в этой необузданной душе таилось чудное, изящное растение, быть может, наиболее нежное из всех, посаженных Господом на земле, Господь посадил его там Своей рукой. Из дня в день Он согревал его Своим святым светом, и тогда порывы этой дикой души смягчились и утихли под влиянием священного цветка, который начал пропитывать своим ароматом даже грубую жизнь Петра.

Господь не употребил ни грома, ни молнии, чтобы заставить Петра услышать Свой голос. Господь знал, что в то время, когда уста Петра произносили клятву, в душе его царила мертвая тишина. И в этот момент, момент высокого напряженного чувства, даже шепот был бы слишком сильным для чрезмерно чувствительного духа; поэтому Господь только обернулся и посмотрел. Один взгляд — и это было все. Молния не могла пронзить так сердце Петра, как пронзил его этот взгляд, от которого растаяла его душа.

В одном из Псалмов мы находим удивительное выражение — кротость Господа. Мы иногда удивляемся, что Господь, столь грозный в Своем величии, употребляет так мало принуждения по отношению к нам, таким ничтожным существам. Но это не Его путь. Его обычное средство — кротость. Господь редко принуждает нас, Он направляет; Он редко заставляет, но руководит. Он не забывает, что мы прах. Нам кажется, что, быть может, было бы лучше, если бы Господь употреблял силу, угрожая, что тогда бы мы скорее исполняли Его волю. Но Господь требует от нас не рабского труда, но труда свободного. Поэтому Господь кроток со всеми нами; Он изменяет нас и направляет к добру одним только взглядом. Грубостью и жестокостью никогда нельзя покорить человеческую душу. Господь не приказал Петру покаяться, не угрожал ему наказанием, Господь даже ничего не говорил ему. Один единственный взгляд подействовал на него сильнее, чем слова, звучавшие в течение всей его жизни.

Перед нами два великих урока: кротость Господа и кротость души — то и другое одинаковые чудеса Божьи. Быть может, именно в эту минуту Господь тайно действует на нас, хотя мы не замечаем этого.

Наша жизнь складывается таинственно, действие руки, формирующей нашу волю, так незаметно, что мы едва можем поверить, что тут действовала рука Божья. Это и есть кротость Божья. Господь создал чувствительным сердце Петра, и ваше, и мое для того, чтобы на него могла действовать Его кротость.

Да, мы совершенно ошибочно понимаем Господа и религию, если думаем, что Господь сурово обращается с нашей душой. Если мы спросим себя: что сильнее всего влияло на нашу жизнь, то должны будем ответить: это были немногие тихие голоса, наставляющие нас, это были волны, пронесившиеся через нашу душу так незаметно, что мы не могли бы сказать, откуда они пришли и куда ушли. Все великие физические силы мира невидимы и молчаливы. Одна из главнейших, сила тяготения, действовала в течение столетий так бесшумно, что тысячи мудрейших людей проходили мимо, прежде чем одному чуткому уху удалось уловить звук ее шагов. И великие духовные силы, направляющие мысли человека к Богу, к правде и добру, заставляющие в вихре светской жизни вспомнить о том, что у него есть душа и подумать о вечности, когда он еще молод и жизнь для него сладка,— силы эти проявляются не в предостережениях в виде смерти, уносящей наших близких, не в угрозах грядущего суда, не в возмездии настоящей жизни, но в тихих голосах, проникающих в душу, по-

добно взгляду Христа на Петра и обращающих чувствительное сердце человека к Богу. Лицо, похожее на лицо давно умершей матери, мелодия детского гимна, вызывающие чистые воспоминания детства после долгих грешных лет, отрывок старого позабытого текста Библии — вот посланники небес, которые приводят людей к Господу.

Многие ожидают, что Христос станет громко стучать в их дверь, пока Ему не откроют, но пусть они вспомнят, что это — не Его путь. Тихое воскресное богослужение, мягкий шепот псалма и стиха, стон нашей совести и глубокое-глубокое стремление сердца к совершенству — вот способ, каким Христос действует на нас. Пусть же не забывают этого труженики Христа. Пусть каждый, пытающийся употребить свое влияние для Христа, изучит способы, какими пользовался Он. А тот, кто живет в тени, чья жизнь скована прирожденной робостью и сдержанностью, пусть с радостью узнает, что дух христианства допускает даже Евангелие лица. Когда люди, живущие среди борьбы, увидят, что их грубые орудия оказались непригодными, пусть поищут для себя урок в словах Господа: «...Большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра» (3 Цар. 19, 11–12).

В-третьих, из рассказа о покаянии Петра мы узнаем, что духовный опыт — большая сила. Петр горько заплакал. Эта короткая фраза окончательно устанавливает вопрос об эмоции в религии. Когда Господь, обернувшись, посмотрел на Петра, в памяти последнего в одно мгновение предстала вся его вина — и что оставалось Петру сделать, как не заплакать горько?

Заставим же себя и мы сегодня восстановить в нашей памяти всю нашу жизнь, и пусть взгляд Предвечного укажет нам всю неприкрытую правду нашего прошлого, и тогда спросим себя, выразит ли слово «горько» всю ту агонию, какую мы почувствуем, когда Господь откроет наш грех. Действительно, Петр должен был горько заплакать; и если мы не проливаем таких же горьких слез в нашей христианской жизни, то не потому, что наш грех меньше, чем грех Петра, а потому, что у нас меньше благодати, чем у него.

Напрасно стараемся мы утешить себя мыслью, что наш грех ничтожен по сравнению с его грехом. Действительно, на земле существуют великие грехи, но нет ничего соответствующего понятию «малый грех».

Самый малый грех — все-таки грехопадение, отпадение от Бога; а отпасть от Бога — значит упасть с самой величайшей высоты всей нашей Вселенной. Утаенный грех не имеет никакого отношения к его величине. Наш сегодняшний или вчерашний грех может быть таким же великим, как грех Петра, Давида, Иакова или иных многочисленных грешников, упоминаемых историей, на которых указывает Библия, как на маяки всего человечества.

Всякий когда-либо совершенный грех требует горького раскаяния. И если мы видим в вере человека мало душевного волнения, то потому, что в ней мало углубления. Вера без эмоций — это вера без размышлений. Пусть человек подумает спокойно над своей жизнью. Пусть вспомнит, как поступал с ним Господь с той минуты, когда он впервые пролепетал имя Его. Пусть затем подумает и о том, как он оказался способным грешить. И когда он вызовет картины прошлого и забытые грехи один за другим вереницей восстанут в его мыслях, разве не пробудится тогда в его сердце сильное волнение, которое найдет исход в слезах? Да, вера без душевного волнения — это вера без размышлений. И наоборот, человек, серьезно размышляющий о своих поступках, всегда найдет в себе достаточно сердечного волнения, чтобы пробудить в своей душе религиозный жар.

Только следите, чтобы внутреннее волнение устремилось по настоящему руслу, чтобы перешло в действие, а не в восторженную чувствительность, чтобы не осталось только нервным возбуждением или эгоистическим страхом. Без сомнения, слезы Петра были благотворными для него. Горечи этой покаянной ночи он обязан сладостью дальнейшей своей жизни.

Наконец, в-четвертых, покаянию свойственно одиночество.

Петр вышел, как только Господь обернулся и посмотрел на него. Никто не обратил внимания на этот молчаливый обмен взглядов. Но этот взгляд произвел действие. Он сразу сделал одиноким известного человека, выделил его из всей толпы. «И Петр вышел вон». И не было, вероятно, в ту ночь ни одного человека в Божьем мире более одинокого, чем Петр со своим грехом.

Людям известны два рода одиночества: одиночество пространства и одиночество духа. Рыбак в своем челноке среди безбрежного моря чувствует одиночество пространства. Но это одиночество не настоящее. Образы людей, дорогих его сердцу, тут же с ним в челноке. Мысли его полны ими. Но Петр испытывал одиночество духа. Расстояние более широкое, чем море, отделяло изменившего Господу ученика от всех остальных людей и заставило плакать в одиночестве.

Господь, обратившись к Петру, не желал, чтобы чужой голос нарушал тишину. Вот чем объясняется то важное значение, какое придается уединению во всякой истинной религиозной жизни. Конечно, могут быть преувеличения в ту и в другую сторону. Но в наши дни нужно особенно стараться внушать людям, что когда Господь желает говорить с человеком, Он желает говорить наедине. И поэтому Господь возбуждает в истинно христианском сердце стремление к уединению, к молитве за закрытой дверью.

«Талант развивается в одиночестве,— говорит немецкий поэт,— характер же — среди борьбы мира». Так же верно, что религиозные таланты совершенствуются в спокойном уединенном размышлении и в общении с Богом.

Какого глубокого сожаления достойны те верующие, религиозная жизнь которых не знает уединения. Божественный опыт, освящающий сердце христианина, остается чужд Тому, кто не знает, что значит оставить иногда все волнения и заботы и побыть один на один с Господом, внимая тому, что Он хочет сказать его сердцу.

Одиночество Петра имеет особую красоту еще и потому, что он удалился вовремя. В покаянии Петра мы видим не только силу и одиночество; нас поражает также и его быстрота. Петр вовсе не был вынужден уйти. Он мог остаться на своем месте, ничего не страшась.

Господь смотрел на нас, когда мы грешили, но мы не поступали подобно Петру, который не дал пройти времени между грехом и покаянием. Мы часто уничтожаем благодать покаяния, ожидая, чтобы грех стал давним. Мы сознательно делаем это. Нам кажется, что время смягчает остроту греха и уничтожает его горечь. Мы откладываем покаяние, пока, по нашему мнению, острота греха не притупится. Как будто время, как будто сама вечность могли сделать поступок грешника менее гнусным. Время не уменьшает греха. Напрасно люди стараются дождаться минимума его, чтобы избавиться от него покаянием.

Истинное время для покаяния — именно то время, когда мы согрешили. Петр раскаялся тотчас по совершении греха. Он покаялся не на смертном ложе, не в преклонные годы, но именно тогда, когда согрешил. Многие люди откладывают часы своего покаяния насколько могут, откладывают настолько, что оно уже не может помочь им; они до тех пор не хотят замечать, что Господь обращается к ним, пока Он не обратится и не посмотрит на них в день суда. И только тогда они выйдут, чтобы заплакать. Но тогда они выйдут навстречу темной ночи, у которой нет рассвета.

Вот чему научает нас раскаяние Петра.

Теперь еще одно слово.

Когда Петр говорит — его глас звучит подобно громовому раскату, и перед ним немеют все земные голоса. Но в то же время, когда говорит Христос, Его речь так тиха и нежна, что никто не может услышать этого шепота, кроме вас. Быть может, сегодня во время нашей беседы Господь повернулся и посмотрел на кого-либо из вас. И чья-нибудь душа уже вышла вон, чтобы заплакать горько. Никто не заметил, куда упал взгляд Божий, и никто из присутствующих в храме не знает, что это были вы. Вы сидите теперь на обычном месте, но ваша душа в настоящую минуту далеко отсюда, она занята каким-нибудь прежним грехом. И Господь Сам даст вам горчайший и в то же время сладчайший урок жизни — урок глубокого прочувствованного покаяния. Не возвращайтесь же назад в толпу, пока Господь не посмотрит еще раз на вас тем взглядом, каким Он посмотрел на разбойника на кресте, пока вы не увидите сияние любви Божьей на лице Господа Иисуса Христа.

Не забудь проститься

*Если, друг, душою ты устанешь
От тяжёлой жизненной борьбы
И любить и верить перестанешь,
Окунувшись в волны суеты.*

*Если, друг, захочешь возвратиться
В мир страстей, забыв Иисуса путь,
Не забудь прийти к Нему проститься,
Ещё раз в глаза Христу взглянуть.*

*Ещё раз сказать Ему, как прежде,
Обо всём, что дух смутило твой.
О твоей несбывшейся надежде,
О тоске, в сомнениях пустой.*

*О друзьях, о братьях, не хотевших
Тебе руку помощи подать,
Чтоб тебя от бури налетевшей
Защитить и в горе поддержать.*

*Помолись! И в этот миг прощальный,
Может быть, душа твоя поймёт,
Отчего ты слабый и печальный,
Почему тоска тебя гнетёт.*

*С Иисусом близкое общенье,
Может быть, тебе дарует вновь:
Веру, святость, в жизни покаянье
И святую первую любовь.*

Аминь.

Разбор 2-й и 3-й глав Откровения

Письмо Ангелу Ефесской церкви. (Откр. 2, 1–7)

«Ангелу Ефесской церкви напиши...»

При разборе этих посланий мы должны всегда в первую очередь выяснить значение слов, которые содержат в себе не только наименование данной церкви, но и сжатую характеристику её «ангела» и её членов. Но в данном случае мы остановимся немного и над словом: «ангел».

Некоторые люди думают, что здесь идёт речь о невидимом, небесном су-

ществе,— ангеле-хранителе,— данной церковной общины. Но если бы это мнение было правильное, то в связи с ангелами пергамской, сардийской или лаодикийской церковей мы попали бы впросак. Ведь небесным ангелам не присущи такие черты, как: нищета, слепота, нагота и срамота.

Греческое слово «ангелион» в русском переводе означает «весть», «сообщение», «извещение», а человек, распространяющий «весть», по-гречески называется «ангелос» — вестник, посланник, проповедник, благовестник. В таком смысле «ангел Ефесской церкви» — пресвитер, проповедник или пастырь Ефесской церковной общины.

Греческое же слово «эфезис» по-русски означает: «стремление», «старание», «рвение». Из этого слова и из последующих слов Господа нам стало понятным, что в лице пастыря ефесской церкви стоит перед нами идеальный пресвитер, которого Господь в первом же стихе называет «звездой», распространяющий яркий свет Евангелия, а во втором стихе подаёт о нём самую положительную характеристику: «Знаю твои дела, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя Апостолами, а они не таковы, и нашёл, что они лжецы».

Да, он неутомимый труженник Господа. Терпеливо носит тяжёлое, но прекрасное иго евангельского служения. Тщательно изучает взгляды и вероучения всех приходящих к нему братьев и небратьев; к проповеди допускает только тех, у которых находит чистое евангельское учение о Христе — Спасителе без всяких отклонений. Лжеапостолов же разоблачает и удаляет от себя. «Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал» (3 ст.).

Но увы! — в пятом стихе Господь внезапно изменяет тон своего обращения к ангелу ефесской церкви и обличая, говорит: «Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься».

Что же случилось здесь? Что за скрытое преступление нашёл Господь в жизни ангела ефесской церкви? Откуда он «ниспал»? В чём ему покаяться, и в каких «прежних делах» ему должно возобновиться?

На все эти жгучие вопросы мы найдём ответ в четвёртом стихе: «...Ты оставил первую любовь твою».

Неужели потеря первой любви в жизни христианина является роковой ошибкой, грехом, преступлением, в чём лучше всего немедленно каяться во избежание наказания?

Неужели в древние времена были пастыри и проповедующие лица, которые действовали без «первой любви»?

На эти странные вопросы сам основоположник ефесской церкви,— Апостол Павел,— даёт ответы в следующих местах: «Ибо я знаю, что по отшествии моем войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою» (Д. Ап.

20, 29—30). «Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа» (Фил. 1, 15). У пророка Иезекииля в 34-й главе так описывает Господь неверных пастырей Своего стада: «И было ко мне слово Господне: сын человеческий! изреки пророчество на пастырей Израилевых, изреки пророчество и скажи им, пастырям: так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец закалали, а стада не пасли. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью» (Иез. 34, 1—4).

Ужас охватывает сердце при чтении этой характеристики, данной самим Господом о многих пастырях Своего стада. Буквально «лютые волки», движущими силами которых при их деятельности являются: зависть, любопрение, честолюбие; молоко, волна и мясо овец Господних.

Но здесь же написан и портрет хорошего пастыря, который носит в себе все благородные черты наилучшего Пастыря Господа Иисуса Христа: проповедует из любви (Фил. 1, 17), слабых укрепляет, больных исцеляет, пораненных перевязывает, угнанных возвращает, потерянных разыскивает (Иез. 34, 4).

Сколько нежной любви, терпения, чуткости и внимания нужно к такой многогранной пастырской службе! «Быть всем для всех»: попечителем для сирот и вдов, врачом для больных, утешителем для печальных, помощником для бессильных, рукой—ногой для калек, глазом для слепых, ухом для глухих и языком для немых (Иов. 29, 11—16).

Ангел ефесской церкви когда-то стоял на должной духовной высоте, когда в нём горела «первая любовь» к Богу и ко всему окружающему его миру. Но потом погас в нём этот святой огонь и он «ниспал», «сорвался», «рухнул» с Божественной вершины любви, и его служение стало односторонним, более теоретическим, «кафедральным», а дела милосердия остались позади. Ему Господь советует немедленно каяться и подняться обратно на вершину первой любви и стать снова «всем слугою» (Марк. 9, 35). Ибо: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий» (1 Кор. 13, 1).

Теперь придётся дать ответ на весьма важный вопрос: «К какому периоду времени в истории христианства отнести это послание? Когда и где жили такие христиане, которые оказались в очах Божьих с недостатком такой любви, которая: "долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит" (1 Кор. 13 гл.)?»

Некоторые богословы—историки считают, что семь азиатских церквей представляют собой семь периодов времени в жизни христианства между первым и вторым пришествиями Христа. В таком смысле послание к ангелу ефесской

церкви они относят исключительно к христианам первого столетия, а послание к ангелу лаодикийской церкви — к христианам последних времён. Но так ли это? На основании событий, имевших место в жизни Апостолов Господних и первых христиан после сошествия на них Духа Святого — Духа любви, милосердия, святости, мудрости и божественной нежности,— упомянутое мнение некоторых богословов кажется слишком нелогичным. Господь Иисус говорит о судьбе «любви» совершенно противоположно; по Его заявлению, «охлаждение любви» будет характерной чертой в жизни христиан не первого, а последнего столетия. Первые христиане своё имущество раздавали другим, а христиане последних времён материальные блага других собирают для себя.

Да, фактом есть то, что начиная с Авеля и кончая последним живущим на земле человеком, Господь находит первую любовь только у незначительного числа людей, и у огромного большинства христиан этой любви не было и не будет. А «когда» и «где» Господь не видит желаемой Им степени любви, «тогда» и «туда» посылает Он Свои предупредительные послания, и блажен тот христианин, который услышит и применяет их к себе заблаговременно.

Что касается меня, я никуда не двинусь с моего места: ни в первое, ни в последнее столетие; ни в Ефес, и ни в Рим! А в тихом уголке своей квартиры поставлю перед собой это прекрасное Божественное зеркало, стану на колени и покаюсь пред Господом в моих недостатках, в первую очередь за отсутствие истинной «первой любви», которой ни Господь не видит, ни я сам не нахожу в моей жизни. «Имеющий ухо да слышит, что дух говорит церквам».

МНЕ И ТЕБЕ!

Аминь.

Письмо Ангелу Смирнской церкви. (Откр. 2, 8—11)

«И Ангелу Смирнской церкви напиши...»

Теперь нам следует разобрать самое краткое, но очень глубокое и благословенное послание Господа к Ангелу Смирнской церкви. По прежней нашей договорённости мы должны во-первых познакомиться с названием этой церкви и вникнуть в духовное значение слова: смирна. Для этой цели мы сделаем небольшую прогулку по библейской ботанике.

На территории Древнего Востока, от Индии до Египта, всем народам были хорошо известны душистые благородные смолы разных бальзамородных кустарников — бальзамодендронов, среди которых на первом месте находился смирновый куст. Смола этого куста была равноценна золоту, жемчугу, алмазу или любым драгоценностям, которыми торговали караваны древней Леванты. Благовонная смола смирны нашла весьма широкое применение в жизни древних народов:

в медицине, косметике и больше всего в религиозном культе. Она была главной составной частью египетского бальзама и многих целебных мазей, так как её нежный запах убивал все вредные микробы в воздухе, в ранах, сделав даже мёртвый труп человека никогда неразлагаемым (забальзамированные тела фараонов!)

Но нам особенно интересны цитаты Священного Писания в буквальном и переносном применении смирны в жизни Божьего народа. Во второй книге Моисея в 30-й главе 23 ст. читаем так: «возьми себе самых лучших благовонных веществ: смирны самоточной пятьсот сиклей, корицы благовонной половину против того, двести пятьдесят, тростника благовонного двести пятьдесят, касии пятьсот сиклей, по сиклю священному, и масла оливкового гин... это будет миро для священного помазания. И помажь им скинию собрания и ковчег откровения, и стол и все принадлежности его, и светильник и все принадлежности его, и жертвенник курения, и жертвенник всесожжения и все принадлежности его, и умывальник и подножие его. И освяти их, и будет святыня великая: все, прикасающееся к ним, освятится. Помажь и Аарона и сынов его, и посвяти их, чтобы они были священниками Мне» (Исх. 30: 23—24, 25—30).

Второе повеление Господне о благовонном курении в храме: «И сказал Господь Моисею: возьми себе благовонных веществ: стакти, ониха, халвана душистого и чистого ливана, всего половину... истолки его мелко, и полагай его пред ковчегом откровения в скинии собрания, где Я буду открываться тебе: это будет святыня великая для вас. Курения, сделанного по сему составу, не делайте себе: святынею да будет оно у тебя для Господа» (Исх. 30, 34—37).

Вот, главными составными частями благовонной смеси, употребляемой при святейших и благороднейших Господу жертвоприношениях, были тоже самоточные душистые смолы бальзамодендронов: смирны, ливана, фимиама, халвана и т. д.

С течением времени елей священного помазания стал символом Духа Святого (Зах. 4 гл.; Лук. 4, 18), а благовонное курение, с помощью душистых смол, стало символом трёх видов деятельности в жизни детей Божьих. Об этом свидетельствуют следующие места Священного Писания:

1. Благовонное курение — символ молитвенной жизни: «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лицо Твое, воздеяние рук моих — как жертва вечерняя» (Пс. 140, 2).

«И когда он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых» (Откр. 5, 8 и 8, 3—4).

2. Благовонное курение — символ благотворительной жизни: «Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу. Я получил все и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу» (Фил. 4, 16—18).

3. Благовонное курение — символ благовествования Христа: «Но благо-

дарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоуханные познания о Себе распространяет нами во всяком месте. Ибо мы Христоу благоухание Богу в спасаемых и в погибающих: для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь» (2 Кор. 2, 14–16).

Из вышесказанного нам ясно, почему Господь ни в чём не упрекает ангела Смирнской церкви, почему называет его «богатым», и почему предсказывает ему «скорь и темницу».

Да! Пресвитер и члены Смирнской церкви материально жалкие люди, живущие в нищете, гонениях и страданиях, но духовно они представляют собой пятёрку разумных дев в белоснежных одеждах, которые очень богаты плодами и дарами Духа Святого, так как они наполнили маслом до краёв не только свои светильники (лампадки), но и взятые с собой резервные сосуды. Они являются теми верными сотрудниками Христа, которые в совершенной мере осуществляют непрерывное духовное жертвоприношение всех трёх видов, представляя собой грандиозный жертвенник с неугасаемым пылающим огнём: молитвенной жизни, материального служения и смелого, подлинного благовествования спасения о Господе Иисусе Христе.

Но тут же автоматически получается ответ и на вопрос: почему именно членам смирнской церкви грозит «скорь и темница»: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). «Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Матф. 24, 9).

В какой мере возлюбим Господа и следуем за Ним, точно в такой же мере возненавидит нас сатана, и будет гнать нас всеми возможными способами. Ангел смирнской церкви понял, что невозможно служить двум господам. Он решил с начала своего покаяния угождать только своему Спасителю, а с сатаной находится в непрерывной борьбе. Скорь, нищета, «злословие сатанинского сборища» и темница не смогли уклонить его от этой святой линии духовной жизни и службы, давая христианам всех времён этим своим поведением прекрасный пример абсолютной верности Христу.

Некоторые богословы относят это послание к христианам II и III столетий, когда цирки Римской империи были переполнены обречёнными на смерть миллионами христиан. Да! Это прекрасное, признательное послание Господа и наше глубокое уважение относится в первую очередь к тем миллионам наших братьев и сестёр в Господе, которые с именем Господа Иисуса на устах с молитвой и пением духовных песен ожидали на аренах римских цирков тех минут, когда заморенные голодом львы со страшным рёвом и яростью бросались и растерзывали их на куски. Но я хочу напомнить и о тех Господних героях, которые на протяжении столетий томилась в адских темницах инквизиции и т. п., а также и тех свидетелях Господних, которые с героизмом первых христиан переносят страдания, гонения последних дней, перед пришествием Господа.

Что касается меня, то я и здесь могу заявить, что получил от Господа второе драгоценное зеркало, в котором ярко видны мои недостатки:

1. Молитвенная жизнь моя — очень скудная. Надо мне гораздо больше молиться, молиться и молиться.

2. Благотворительность — минимальная.

3. Дело евангельского служения — в самом отчаянном состоянии.

Ужас берёт меня, когда посмотрю в это духовное зеркало: там вижу не картину, а карикатуру христианина в своём лице. Стыдно мне и жаль мне, если смотрю на развалины моей жизни. С кающимся сердцем умоляю Господа ежедневно, чтобы Он совершил новое чудо в моей жизни и восстановил во мне человека по Его желанию.

«Имеющий ухо (слышать) да слышит, что Дух говорит церквям». Аминь.

(Продолжение следует.)

Какие люди нужны Богу

Что более всего нужно в наше время? Люди:

Люди непродажные.

Люди верные и честные до глубины души.

Люди, боящиеся Бога и ненавидящие любостяжание.

Люди способные стоять за истину и справедливость
хотя бы небо и земля восстали против них.

Люди, говорящие правду в глаза всем и каждому.

Люди не трусы и не хвастуны.

Люди смелые, одушевлённые добром и сдержанные.

Люди, духовная жизнь которых преисполнена миром,—
глубокая, и сильная как поток.

Люди ревностные к славе Божьей и равнодушные
к одобрению и порицанию толпы.

Люди с выдержкою и терпением.

Люди, сознающие и исполняющие своё призвание.

Люди, сознающие и исполняющие свои обязанности.

Люди, которым лень не мешает трудиться,
и которых гордость не вводит в нищету.

Люди преданные делу Божьему.

Люди, которые знают во что веруют.

Люди сильные — силою Божьей, мудрые — мудростью свыше,
любящие — любовью христианской,
словом — люди Божьи.

Слово узника

Чистосердечно приветствую всех друзей моих, пребывающих в общении с Богом. Рад и благодарю Бога, что они сегодня живы и ко всякому доброму делу приготовлены, да и не только приготовлены, но и будучи таковыми, исполняют его и исполняют с великим усердием, не считаясь и не советуясь с плотью и кровью. Легко говорить об этом, но трудно делать, а тем более тогда, когда встречается упорное сопротивление со стороны противящихся истине.

«Но они не много успеют...» (2 Тим. 3, 9). Читая это место Писания, мы легко увидим, что Апостол Павел связывает его с теми, которые имеют вид благочестия, силы же их отрекшиеся. Он пишет, что это учащиеся, но никогда не могущие дойти до познания истины, а потому и противящиеся ей.

Мы никогда не обратили бы внимания на имена древних противников истины Божией, если бы на них не указывал Дух Святой в связи со временами тяжкими. Именно в лице Ианния и Иамврия — египетских волхвов, Дух Святой показывает нам тех, которые не только могут делать, но и делают то, что и поборники Истины. Ведь Ианний и Иамврий, выступившие против Моисея, противодействовали Истине Божьей не тем, чтобы приписывать Моисею обман и злую силу, но старались сделать лишь одно — изгладить силу влияния чудес Божиих на совесть людей, делая то же самое, что совершал Господь чрез Моисея. Именно в этом и заключается вся опасность их противодействия. Они не выступили прямо, не прокляли Моисея, не отдали его на избиение камнями, они не пошли против него с мечом в руке, а облекшись в мантию лицемерия, как бы сказали: «Мы тоже это можем, мы тоже за это...» Но если Моисей творимыми чудесами надеялся вывести народ Божий из Египта, то Ианний и Иамврий старались удержать его в порабощении у фараона — царя египетского. Ведь дело кажется одно и то же, но цель поставлена разная. Один желает вывести народ из-под ига рабства, а другие же — удержать и увековечить его. Но слава Богу, что сила влияния сатаны, который действовал за спиной египетских волхвов, ограничилась лишь тремя знаменами, заключающими в себе смерть и нечистоту. Но как скоро вопрос коснулся присутствия

творческой силы, они вынуждены были сказать: «Это перст Божий».

Так было тогда. Но разве сегодня это выглядит иначе? Разве обольститель сегодня другой? Нет! Он тот же. Он только изменил приём противодействия Истине Божьей. Если год тому назад он противился истине насилем, открыто выступая и нападая на неё, то теперь он, приняв вид благочестивого, старается обольстить и умертвить истинных чад Божьих. Сегодня он выступает в роли примирителя, являя тем самым не мудрость, сходящую свыше, но бесовскую, ибо первая во-первых чиста, а потом мирна, последняя же предлагает мир в рамках нечистоты и смерти, ставя на первое место мир, а затем святость. О, как часто дети Божьи не понимают этого и, услышав слово «мир», идут, не отдавая себе отчёта в том, куда идут.

Сегодня во весь голос хочется закричать: Стойте! «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите... где путь добрый» (Иер. 6, 16). Разве может быть мир при отсутствии чистоты и святости? И это делается людьми, имеющими вид благочестия и называющими себя христианами. Какой ужас! Когда святое имя Господа Иисуса злоупотребляется людьми коварными и пылающими ненавистью друг ко другу, когда святые принципы в христианской жизни уступают место действиям, осуждаемым Богом. И всё это кроется под видом «благочестия». Невольно скажешь, что это и есть те страшные признания «последних дней», о которых пишет Апостол Павел (1 Тим. 4, 1; 2 Тим. 3, 1).

Но благодарение Богу, что волею Его ограничены их действия, ибо «они немного успеют», и, подобно тому, как безумие Ианния и Иамврия было раскрыто пред всеми людьми, чья совесть была покорена ими, так будет и с Ианниями и Иамвриями нашего времени. Безумие их выйдет также наружу, ибо у лжи ноги коротки и у них не хватит силы подражать Божественной жизни и силе Его. «Они немного успеют». Господь же посмеётся над ними.

Испытаем себя в свете Слова Божьего, чтобы нам убедиться, служим ли мы Истине, ходим ли мы в силе чистого и святого благочестия или, может быть, мы только имеем вид его, задерживая тем самым распространение её на других. Действие же силы благочестия сказывается тогда, когда мы твёрдо пребываем в том, чему были научены и силою Духа Божия почерпаем живую воду из чистого источника Божьего.

Слава Богу, что есть истинная Церковь, совесть которой омыта искупительной кровью Агнца Божьего, а сердце её детей вполне предано Христу.

Узник в Господе

Друзьям добра

Когда над кораблём в зловещих небесах
Клубятся тяжкие грохочущие тучи.
И ветер мечется и свищет в парусах
И океан ревёт бездонный и могучий,
Когда чрез борт волна безумная летит
И бьёт о палубу своей седою пеной
И мачта, как тростник, согнулась и дрожит,
Грозя внезапною изменой;

Никто тогда не спит на вахте корабля...
Все на ногах пред близкою бедою
И рулевой впивается в тяжёлый круг руля,
Борясь со злобою морскою.
И руки твёрдые бесстрашных моряков.
Мелькают меж снастей над лестницей дрожащей,
И паруса крепят... и весь корабль готов
Грудь с грудью встретиться с грозой на них летящей.

В те дни, когда везде густеет ночи тьма,
Когда живая жизнь куда-то исчезает,
Когда нет воздуха для сердца и ума
И истина пред ложью отступает,
Когда призыв любви зовётся мятежом,
Когда проклятьями клеймится всё святое,
Когда царит над сдавленным умом
Всё мёртвое, слепое и глухое,—

Все на ноги, кому свет дорог, тьма страшна.
Все на ноги, в ком совесть не разбита,
В ком к истине любовь свободна и сильна
И страхом за себя сознание не убито!
Друзья добра, не опускайте взор
Перед людьми вражды и святотатства.
Пусть каждый злобы крик найдёт у вас отпор
В горячей проповеди братства.

Друзья добра, несите в эту тьму
Всем страждущим слова призыва и привета,
Несите в душную огромную тюрьму
Учение любви, сознания и света,
Будите мысль везде, где жизнь едва мерцает.
Пусть всюду жизнь встаёт от гробового сна
Для Жизни жизнь пусть всюду воскресает!
Друзья добра, не бойтесь ни костров,
Ни плахи, ни меча, ни пыток, ни глумлений.
Внимая правде ваших слов,
Палач отступится от крови и мучений.
Тюрьма раскроется пред братскою рукой
И выпустит измученных на волю...
Жизнь новая! Иди! Неси скорей с собой
Рабам свободную и любящую долю!

Аминь.

«Плачьте о себе и о детях ваших»

«И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших».

Лук. 23, 27–28

Брат мой, сестра моя! Мы привыкли ходить к Голгофе перед преломлением и в предпасхальные дни. Ах, как много приобрели бы мы, если бы ходили к ней ежедневно. Вот и сегодня я хочу пойти с вами мысленно к Голгофе и слиться с множеством народа, медленно движущимся туда. Но идти я предлагаю не сзади толпы и не в стороне, а, забежав вперёд, пойти с теми, кто может видеть окровавленные следы, оставляемые Христом. Поровнявшись с идущими впереди, вы потесните глубоко скорбящих и рыдающих женщин, среди которых идёт и мать Виновника этого шествия.

Мне хочется призвать вас к глубокому вниманию, чтобы от взгляда вашего не ускользнуло ни одно движение, от слуха — ни один шорох.

Обращённый спиной к нам, медленно шагает Человек. Видно ли вам незатоптанный, вечно свежий след? Никакая пыль веков не скрыла оставшуюся на земле кровь Шедшего впереди! Посмотрите на равнодушную толпу, которая без малейшего рассуждения топчет своими грешными ногами следы Страдальца. Смотрите, как дрожит одежда на Спасителе мира! То не ветер, испуганный происходящим, колышет её. От внутреннего напряжения и тяжести креста ломается и дрожит святое тело. Но пойдём дальше! Прямо перед нашими глазами затылок Идущего, потёки алой крови запеклись в волосах Его. Смотри... колючки тернового венца, не просто ласкаясь, как лавровый венок, касаются головы Его! Нет. Они глубоко вбиты чьей-то безжалостной рукой. При каждом еле заметном движении из ран вытекает свежая струйка крови и тщетно стремится запрятаться в волосах.

Твёрдо и легко ступая здоровыми ногами, не чувствуя совершенно никакой боли, пойдём дальше, дорогой читатель. А может быть кто устал? Но не закрывайте глаз, не отвлекайтесь, чтобы ничего не упустить. Что это?.. упал?.. Вот когда остановилась любопытная толпа! О, кто видел как это тяжёлое дерево ударило и до того измождённые плечи Страдальца?!

Дорогой читатель! Нужны ли пояснения: кто упал, под тяжестью чего,

и куда движется эта толпа. Всем ясно. Она движется к Голгофе, чтобы уже осуждённый Христос был пригвождён и умер на кресте.

Симон Киренейский! Ты полон сил, здоровья, и ты проходишь мимо? Разве тебе нет дела до происходящего здесь? Видно не хотел он вмешиваться в чужие дела, но его заставили взять крест упавшего «Преступника», не мало возмутившего народы, чтобы поскорее расправиться с Ним.

Здоровые пошли быстрее, а Он... Он превозмогая муки, тоже пошёл, подталкиваемый спешащею полною слепого любопытства толпою.

Моё желание, дорогой читатель, остановиться здесь и предложить тебе дальше пойти самому, если ты желаешь услышать Божественную повесть о смерти и муках Господа и о таинствах крестной любви. Если сердце твоё жаждет хотя бы отчасти проникнуться тайною креста, подойди к нему в молчании. И в этом благоговейном безмолвии и священной тишине слушай... смотри... и слушай, чтобы жить и жить вовеки.

Пишущий эти строки не задаётся целью вызвать у вас, дорогие читатели, слёзы жалости и сострадания к Господу нашему Иисусу Христу. Нет. Но если вы плачете и рыдаете вместе с женщинами, которые участвовали в этом, вовеки незабываемом шествии, то разрешите напомнить вам слова, с которыми обратился Сам Христос к рыдающим женщинам: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и детях ваших».

Господи! Почему Ты так сказал: «Не плачьте обо Мне?» Как не плакать, когда вся внутренность наша содрогается только видя Твои страдания! А как тяжелы они Тебе! Неужели мы не можем посочувствовать? О, как бы хотели мы волосами головы своей утереть все кровавые потёки Твои! Если бы допустили нас, мы бы холодной водою напоили Тебя и омыли ноющие раны Твои! Женщины-матери! Кто из вас, видя таковым сына своего, удержался бы на месте? Кто не перевязал бы и не положил на лучшую постель единственного любимого сына чрева? Дрогнет и обольётся кровью сердце любой из матерей. Но послушайте, что говорит Сам Страдалец! Не только перевязать и омыть раны. Он запретил даже плакать о Нём. Нет,— отвечают Божественные уста. Не нужно Мне этого. «Ужели не понимаете,— говорило громко всё тело Страдальца,— что вы сделали Мне это? Обезображен я вами! Зачем, издеваясь надо Мною, льёте слёзы. Вы и дети чрева вашего сплели Мне терновый венок грехами своими! Руками ваших детей, матери, одевался он на Меня. Ведь не руки Моего Бога безжалостно ударяли по этим колючкам! Вы сделали из Меня посмешище, а теперь плачете. Не плачьте. Не лейте слёз, которые как уксус вскипают в ранах моих. Скажите, чьими руками сделаны гвозди, которыми вы пробьёте Мне руки? Все орудия казни сделали ваши и сынов ваших руки! Зачем плакать, что Мой лик так обезображен? Ответьте, чьи руки подадут к Моим устам губку с уксусом? Не ваших ли то сыновей,

дщери иерусалимские? Сколько много вас в этой толпе, а сколько здесь сыновей и дочерей ваших? Смотрите! Вон ваши сыновья бросают жребий об одежде Моей. Слушайте! Чей хохот доносится до Моих ушей? Всё это ваше, люди! За вас, люди, Я был оставлен любимым Отцом! О, это горше всех мук! Не плачьте, вы думаете, что Мне это "кто-то" сделал? Эти "кто-то" — вы. Вот о чём плачьте — о себе! Плачьте о том, что вы не научили детей своих истине и они глумятся теперь надо Мною».

Дорогие братья и сёстры! Все уразумевшие страдания Христовы! Я не сомневаюсь в том, что вы уже оплакали и плачете о грехах своих, но плачете ли вы о грехах дочерей и сыновей ваших? Где дети ваши? Может быть они сегодня сидят и плетут терновый венок для Христа, вкладывая своими грехами шипы поострее? Посмотрите, может быть руки сына или дочери вашей протянулись к святой голове Христа вместе с безбожниками и возлагают на неё венец из терна. А чьи это дети готовят хорошо отточенные палки глумлений и бьют ими по колючкам? Чьи они? Плачьте о том, что вы сами способствуете тому, что в ваши дни дети попирают и сегодня Сына Божьего. Может быть, вы недоумевающе спросите: «В чём же наша вина?»

Дорогие матери, давайте перенесёмся мысленно к тому времени, когда вы узнали, что Господь дарует вам новую жизнь. Что вырывалось тогда из уст ваших? Склонились вы тогда пред Творцом и вознесли ли Ему прежде всего благодарность за то, что Он милосердием Своим доверяет вам выносить этого человека? Возносили ли вы в те месяцы молитвы о вынашиваемом ребёнке? Посвятили ли вы ещё тогда его для Бога? Дорогие матери и отцы, быть может, вместо этого чудного благовония, которое вы обязаны возносить Творцу, из ваших уст вырывался постыдный ропот. Дорогие матери! Как осмелились вы прекословить Господу? Не в руках ли Его право дать жизнь и взять её? Плачьте тогда о себе, потому что ваши руки приготовили железо для гвоздей, которыми пронзят руки и ноги Иисуса ваши дети. Плачьте о том, что в то время, когда оно было под грудью, во чреве вашем, в нём было посеяно первое семя недоверия Творцу.

И вот, нежное маленькое существо уже в руках ваших. Что сеяли вы в эти, ещё не заросшие, только что вспаханные души, когда они нежно вам улыбались из колыбели?

Детское сердце — нива безбрежная,
Сеять там нужно ранней весной,
Сеять заботливо, ласково, нежно,
Чтоб не осталось бороздки пустой.

Как рано вы начали сеять семя Слова Божьего в чистых безвинных маленьких сердечках? Вспомните эти милые пытливые глазки, которые так

доверчиво смотрели на папу, на маму и задавали свои первые наивные вопросы о Боге, о небесах. Что посеяли вы тогда в пустых бороздках? Не может быть, чтобы посеянное доброе семя взошло сорняком.

Доброе ли сеяли вы, когда с недовольным и злым взглядом смотрели на причинившую вам беспокойство крошку? А сколько раз рушили вы невинную чистую улыбку своим небрежным безразличным отношением?

Возможно, некоторые из вас превратили своих малюток с первого дня их жизни в маленьких богов. Сердце такой матери, отца полно нежности и слепой любви к своему дитю. Оно готово прощать бесконечно маленькие, казалось бы, невинные грехи. Вы скажете, что оно ещё не понимает? Напрасно вы так думаете. Ребёнок 2-х лет умеет уже «мило» обманывать взрослых. Напроказничает и скажет, что это сделала бабушка, или братик, или сестричка — словом, любой, только не он. Безвинная всем понятная ложь. Подчас она вызывает у вас смех. Многие возражат: «Что же теперь стоять постоянно с розгой над ребёнком?» Нет, я не говорю постоянно. Ведь можно, не мудро наказывая, раздражать детей. Слово Божье говорит: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 4). Но эти слова отнюдь не освобождают детей от наказания, и «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притч. 13, 24). «...Если накажешь его розгою, он не умрет: ты накажешь его розгою, и спасешь душу его от преисподней» (Притч. 23, 13—14).

Не снимайте с себя всякую ответственность, говоря: «Вырастет, сам всё поймёт», вспомните слова из Святой Книги: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состареет» (Пр. 22, 6). Оставляя безнаказанным маленький грех, вы удобряете почву под ним. Эти маленькие грешки вырастут в большие мерзости, когда ваш ребёнок начнёт отличать доброе от злого. В пустой борозде враг посеял своё семя, а вы и не подумали вырвать его пока оно не укоренилось и посеять семя Божье. О, это нежное материнское прощение, не худое ли это семя? Чему же удивляетесь сейчас, когда ваш сын или дочь глумятся над Сыном Божьим. «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнёт» (Гал. 6, 7).

Многие могут заметить, оправдываясь Словом Божьим, что спасение души это дело Божье. Да, это дело Божье, но почему многие, не желая трудиться, не делают всё зависящее от них? Прекрасно знает земледelec, с любовью вспахивая землю, в надежде бросая туда зерно, что жизни этому зерну он не даст. Но встречали ли вы такого земледельца, который отказался бы от всякой работы потому, что один Бог даёт зелёные

всходы? Всякий ответит на это смело: так может поступать только безумец.

«О, сей безустанно, друг, сей...

.....
Сей доброе семя во имя Христа,
Пожнёшь, что посеял тогда».

Если вы упустили время посева, то знайте, враг не упустил, он обильно засеял все пустые бороздки греховными семенами. Плачьте о себе: упустив драгоценное время посева, руками детей своих вы вновь распинаете Иисуса.

Хочется сказать и вам, милые добрые бабушки. Вы много времени проводите со своими внуками. Можно ли о вас сказать так, как об одной бабушке (2 Тим. 1, 51)?

Проходят детские годы и дети ваши уже самостоятельно избирают себе путь. Их пронизательный взгляд проникает в жизнь. Каковы цели и стремления ваши в это время? О чём вы помышляете? Ах, как много родителей не поднимают своих глаз от трудов и забот земных, не находя времени для служения Богу. Они стараются разузнать о лучших путях для детей своих, чтобы им не пришлось «тянуть ляжку» всю жизнь. Где неправдой, где лестью устроили они своих детей в жизни. Не думаю, чтобы они в это время помнили слова Христа: «Ищите прежде Царствия Божия». Если они сами не научились искать небесного, то разве научат детей своих тому? Поступая так, они лишают их вечного блаженства. Небо и его радости их дети считают за пустое, а земля с её прелестями стала постоянным хлебом жизни.

Теперь ваши дети уже сознательно топчут святыню Божью. Вот о чём должно плакать! Ваша вина в том, что они наносят новые кровоточащие раны Христу. Не плачьте о том, что невинная кровь покрыла землю вокруг креста, где висел Спаситель мира! Эти слёзы причиняют новые ужасные муки любящему Иисусу. Плачьте о детях ваших, что Его кровь не смыла позорные грехи их. Плачьте о том, что до сих пор как проказой покрыты дети ваши грехами. Плачьте о том, что для них ещё не прозвучали слова любеобильного, всепрощающего Искупителя: «Совершилось! Совершилось спасение ваших детей!» Плачьте о том, что вы не указали им вовремя на кровавый след Христа.

Христос сказал: Плачьте о себе и о детях ваших не потому, что Он не простит за нанесённые Ему страдания. Нет. Об их прощении Он на кресте молил Отца Небесного: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». В словах, обращённых к женщинам иерусалимским, Спаситель говорил, что жертва Его для многих будет напрасной, ибо только Он знал полную меру и цену Своих страданий, Он видел и знал, что ждёт впереди многих здесь стоящих женщин и детей их, если они не примут Его своим личным Спасителем.

Плачьте, рыдайте о себе и о детях ваших.

Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

1. К читателям.....	1
2. Смысл страдания.....	3
3. Дух самоотречения.....	23
4. Труженикам (стихотворение).....	25
5. Простая проповедь для ищущих Бога (Сперджен).....	26
6. Из жизни (рассказ).....	32
7. Для чего (стихотворение).....	35
8. Покаяние.....	36
9. Не забудь проститься (стихотворение).....	44
10. Разбор 2-й и 3-й гл. Откровения.....	44
11. Какие люди нужны Богу?.....	50
12. Слово узника.....	51
13. Другьям добра (стихотворение).....	53
14. Плачьте о себе и о детях ваших.....	54

